

УЙГУН

АБУ РАЙХАН БЕРУНИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

- Абу Райхан Беруни.
Абу Али Ибн Сино.
Мамун — шах Хорезма.
Махмуд Газневи — султан Газны.
Сухайли — визирь Мамуна.
Маймонди — визирь Махмуда.
Дабир — главный придворный хорезмшаха.
Шейх-уль-ислам — глава хорезмского духовенства.
Аглям — главный исламский правовед в Хорезме.
Каратегин — посол Махмуда в Хорезме.
Сайера — сестра Махмуда, затем жена Мамуна.
Масуд — сын Махмуда.
Абдулкасым Унсур — духовный наставник и придворный поэт
Махмуда.
Сапалтегин — сардар (военачальник) Махмуда.
Агабатыр — сардар Махмуда.
Гульсанам — служанка Сайеры, возлюбленная Беруни.
Коблан-батыр — мираб Хорезма.
Джаффар — ученик Беруни.
Худайберды — ученик Ибн Сино.
Ибн Ирак, Масихи — ученые при дворе Мамуна.
Шункарбек, Джаихунбек — хорезмские беки
Сухсур — служанка Сайеры.
Бибисара — соседка Беруни, бедная женщина.
Астролог.
Алхимик.
Посол халифа.
Ювелир.

Палач.

Беки, сардары, придворные, слуги, сарбазы, нукеры, стража и так далее.

Действие происходит в 10 веке, в старом Ургенче и Газне.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Один из пышных залов во дворце Хорезмшаха. В центре — позолоченный трон, вокруг — золоченые низенькие столики, около них — на полу — высокие подушки для сиденья. Джаффар и Худайберды приводят все в окончательный порядок.

Джаффар

(указывая на места для сиденья)

Так, так... Здесь будет место для невежд,
а здесь — для мудрецов... Здесь — для тиранов,
а здесь — воссядут человеколюбцы...

Худайберды

Эй, эй! Дружище! Лучше не шути,
не приведи аллах, услышит кто —
и головы не сносишь! Да и мне
набьют соломой шкуру... Надо быть
поосторожней.

Джаффар

Ха! Поосторожней!

Да трус вовек мыслителем не станет!..
Коль прежде, чем подумать да сказать,
оглядываться надо, так уж где там
проникнуть в суть вещей, взглядеться в звезды,

постигнуть тайны чисел и веков...

Худайберды
(подхватывая его интонацию)
Тем самым уподобясь Беруни...

Джаффар
Хвала, ты угадал!.. Вот где бесстрашье
души и мысли.

Худайберды
Велика душа,
и мысль громадна... Мало есть подобных!

Джаффар
Подобных — мало?! Ха! Их просто нет!
Абу Райхан — единственный на свете!
Необычайный ум соединен
в нем с памятью, такой же небывалой,
с немислимым доселе трудолюбьем.
Да книги нет, чтоб он не прочитал,
нет языка, которого не знал бы!..
Фарси? Изволь! Арабский? В лучшем виде!
Наречья греков и евреев? Хинди?
Пожалуйста!.. И в каждой из наук
он превзойдет любого знатока,—
историю ли взять, иль медицину,
алхимию — иль музыку, науку
о камнях — или обо всей земле,
счислений тайны иль секреты слова!
Сократ, и Афалтун, и Арасту,
И Фараби — ему знакомы так,
как если б он у них самих учился!

Худайберды

(смеясь)

Ну! Превозносишь ты Абу Райхана,
как будто бы его мне продаешь!

Джаффар

(так же)

Его купить — и шаху не под силу!
Любой казны на это б не тватило!..
(Серьезным тоном.)
Бесценный ум, бесценные творенья...

Худайберды

(задумчиво)

Да, да, ты прав...

Берет с одного из столиков огромную,
богато переплетенную книгу.
Хотя бы «Альбакия»—
шах книг, воистину— венец науки...

Д ж а ф ф а р

Воистину в ней летопись земли!
Религии, обычаи, обряды,
история арабов, персов, греков,
согдийцев, хорезмийцев, египтян,
китайцев, римлян — всех народов мира!..
Подумать только: в двадцать лет неполных
ученостью своею и талантом
такую вызвать зависть у улема,
чтоб схлопотать изгнание из Хорезма!
И сколько лет провел он на чужбине,
в скитаньях и невзгодах — прежде, чем
судьба, свое вращая колесо,
на родину его не возвратила...
В места ж родные он привез не месть—
любовь к родной земле!

Он говорит,
Хорезм ему в самом Джурджане снился,
где во дворце богатом Вашигира
жил в роскоши он, окружен почетом...

Худайберды
Ну, ну... и хорезмшах науке предан!
Ведь он собрал поэтов и ученых
из Бухары, Герата, Самарканда,
Багдада, Нишапура, Балха... даже
из дальнего Египта и Кашмира!
Их круг у нас невиданно широк,
Хорезм становится страной науки...

Джаффар
Но и невежества, конечно, тоже!
Ты, кажется, забыл:
шейх-уль-ислам,
кази калян, орава улема,
муллы, фанатики — идут войною
на этот цвет и славу просвещения!
Бой — впереди, а спор уже в разгаре...

В окружении слуг входит визирь Абулхусайн
Сухайли. Слуги ставят на столике серебряные кув-
шины с вином, позолоченные чаши с шербетом.

С у х а й л и
(Джаффару и Худайберды)
Вы место подготовили отлично!

Джаффар
Да, все готово, о визирь великий...

С у х а й л и

(берет со столика «Альбакию»)
Со вкусом все... И вкус у вас отменный!

Входят Шейх-уль-ислам, Каратегин,
А г л я м, муллы, послы.

Джаффар
(указывая входящим на места)
Пожалуйте, вот здесь садитесь! Здесь...

С у х а й л и
Салом вам, о таксыр шейх-уль-ислам!
Салом и вам, таксыры!

Шейх-уль-ислам
Будьте здоровы,
визирь. И всем —салом алейкум!

С у х а й л и
(с улыбкой)
Налить гостям шербета иль вина,
чтоб перед спором горло освежили!

Шейх-уль-ислам
Шербета нам, пожалуйста!

Каратегин
Шербета!

Д ж а ф ф а р
Всего достаточно...

Слуги наливают в чаши вино и шербет, подают гостям.
Входят ученые во главе с Д а б и р о м.

Худайберды
(приглашая гостей)
О мудрые, сюда...
вот ваше место... это ваше... ваше...

Ученые рассаживаются. Слуги наполняют их чаши.

Каратегин
Что ж мы не видим ни Абу Райхана,
ни Ибн Сино?

Д а б и р
Они придут, таксыр.

Каратегин
Придут!.. Я понимаю, что придут,
но разве это признак доброй воли —
ждать заставлять все общество?..

Д а б и р
Таксыр,
мне кажется, вы только что пришли,
откуда же такое нетерпенье?

Каратегин
Я тороплюсь. Имею много дел!..

Д а б и р
Тогда мы вашу занятость уважим,
а диспут состоится и без вас.

Каратегин
Не смейте мне грубить!.. Я здесь — посол
великого Махмуда!.. И ничьих
терпеть я тут не стану поношений!!.

С у х а й л и
Прошу, простите, господин посол!
Не горячитесь... Беруни, конечно,
сейчас придет...

Шейх-уль-ислам
Но он по сути прав!
Не мы — они должны нас ожидать,
так говорит священный свод приличий!..

Входит Беруни, за ним — Ибн Сино. Ученые
встают в знак приветствия, остальные сидят, не ше-
велясь.

Беруни
Таксыры, мы взываем о прощеньи,
что вынудили ждать нас. Но, увы,
просил о помощи больной старик,
мы отказать не смели — и вдвоем
готовили лекарство для больного...

Ибн Ирак
За добрые дела не извиняют —
благодарят!

М а с и х и
Да будет с вами бог...

Ш е й х - у л ь - и с л а м
Ну, что ж, добро пожаловать в Хорезм,
Абу Райхан!..

Беруни

Я сам безмерно рад
ступить на землю родины... и шагу
благодаренье возношу вседневно,
что пригласил меня! Да длятся дни
его —и благоденствует держава!

Ибн Сино
Великий шах свершил святое дело,
вернув нам Беруни.

Д а б и р
Хорезма слава
возвысится опять!

М а с и х и
Собранья наши украсятся..

Ибн Ирак
И вслед Ал-Хорезми
вы возвеличите отчизны имя!

Беруни
Благодарю... благодарю, друзья!
Хоть слишком вы завысили мне цену,
а все ж такие речи сладко слушать...
но я ведь только труженик-ученый!

С у х а й л и
Не скромничайте, о Абу Райхан!

Беруни
Благодарю и вас, эмир. Увы,
но я и впрямь постранствовал в науке,
и знаю я, как мало знаю я.
Так много неизведанных пределов,

так много и миров, еще неизвестных...
что в каждой жизни сделанное — малость
пред тем, что еще сделать предстоит!

М а с и х и

О, поискам ученых нет скончанья!..

Б е р у н и

Воистину. Я б написать хотел
об Индии подробнейшую книгу...
ждет математика... и тайны звезд...

А истину в науке отыскать
трудней порой, чем рыть иглой колодец!

А г л я м

Вы совершенно правы!.. Я заметил
в трактатах ваших массу недоделок,
встречаются и явные ошибки...

Д а б и р

(со смехом)

Дискуссия, выходит, началась?..

А г л я м

О, это просто замечанье кстати...

В окружении стражи и свиты входит хорезмшах М а -
м у н. Все встают ему навстречу и низко кланяются.

М а м у н

Простите, я немного опоздал...

С у х а й л и

О нет, великий повелитель! Солнце
не знает опозданий. Это мы

здесь попросту заранее собрались!..

Шах садится на трон, остальные опускаются на свои места.

М а м у н

Абу Райхан! Вы, Ибн Сино! Я счастлив
быть вашим современником, следовать,
как вы, садовники в саду науки,
растите драгоценные цветы,
как, ювелиры мудрости, граните
алмазы ваших знаний, просвещая
подлунный мир...

Б е р у н и

Благодарю, о шах!..
Вы слишком щедры в похвалах.

Ибн Сино

Собрат сказал и за меня. И ежечасно
мы молимся о вашем процветании,
аллах да продлевает ваши дни!..

М а м у н

Ну, что ж, раз мы уже собрались все —
начнем наш диспут.

Д а б и р

Мы давно готовы,
и только ждали вашего приказа.

М а м у н

Так кто начнет?

Астролог

Вы разрешите мне?

Мамун кивает.

(Обращаясь к Беруни)

Я был бы рад услышать ваше мнение
об астрологии и звездочетах.

Беруни

(с улыбкой)

Ну, что же, я скрывать его не стану!

Я ведь и сам отчасти звездочет,
и даже — было время — близ Кията
себе обсерваторию построил,
чтобы следить движение светил.

Прекраснейшее, право же, занятие:
рассчитывать пути их наперед —
и завтра находить в той самой точке,
которую вчера постиг умом...

Не лучшее ль из лучших доказательств
разумного вселенского устройства!

Глаз невооруженный видит в небе
лишь неких точек пламенных скопленья,
но острый ум и точная наука
определяет строение небес,
размеры звезд, их мощь и отдаленность,
взаимоотяготение друг к другу
и быстроту движения по сферам,
а ведь светила отмеряют дни —
и ночи, месяцы — и годы...

Где среди них — планета, где — звезда?

Вращается земля — или недвижна?

О том веками спорил древний Рим,
Аравия и Индия...

Ш е й х - у л ь - и с л а м
Но то язычники все были и кяфиры!

А г л я м
Мошенники!.

Б е р у н и
(Агляму)
Вы правильно сказали:
среди звездочетов плутов есть немало!
И это те, что, тыча пальцем в небо,
по звездам предрекают ход событий,
судьбу людей и прочее...

Астролог
Таксыр,
по-вашему, астролог — это плут?!
И предсказания мои — обман?..

Б е р у н и
О, тыща сожалений! Я имел
ввиду не только вас, почтенный...

Астролог
Так оскорбили целую науку,
которая уже тысячелетья,
как служит людям!..

Беруни
Служит — только чем?
Им выдавая выдумки за правду?..

Астролог
Выходит, вы забыли и о том,
что мастерство читать судьбу по звездам

восславлено в благословенных книгах?..

Беруни

Милейший, прежде чем читать судьбу,
прочеть нехудо б толком эти книги!

И научиться видеть только то,
что в них написано...

Астролог

Я докажу!

Беруни

О, не трудитесь! Я-то их читал,
я знаю их, и звезды знаю тоже...

Простите, но когда схождение звезд
вам служит верным признаком того,
разумно ли сейчас продать вола,
дать деньги в рост или купить корову -
я вижу в этом только шарлатанство...

Астролог

Вы просто издеваетесь, таксыр,
я никогда б не согласился с вами!..

Б е р у н и

Помилуйте, я вас не заставляю.

Алхимик

(шаху)

Теперь дозвоьте мне, пресветлый шах-
и мне хотелось бы задать вопрос...

М а м у н

Пожалуйста!

Алхимик

(Беруни)

Абу Райхан почтенный,
как цените вы химиков усилья?

Беруни

Ну, разумеется, ценю высоко!

А л х и м и к

Благодарю. Но верите ли вы,
что с помощью особой перегонки
и многочисленнейших добавлений
возможно сделать золото из меди?..

Беруни

Простите, но вот этому не верю!

А л х и м и к

А почему?

Беруни

Да каждый из металлов
суть и состав имеет нерушимый.
Могу ль я кошку превратить в собаку,
коль я не джин, а только человек?..
Так и не сделать серебро из цинка,
из меди — золото...

Алхимик

В прошлые века...

Беруни

Да, в прошлом многие на то дерзали,
но цели — ни единый не достиг!

Алхимик

Позвольте! Я прочел десятки книг,
Где способы описаны дотошно...

Беруни

Поверьте мне, любезный мой собрат,
уж если б кто взаправду ведал способ,
так он не книги бы о том писал,
а сам бы делал золото из меди!
Но люди слабы: что не можешь сам,
в том остальных охотно наставляешь...

Смех среди ученых.

Вот вы, к примеру — сколько лет уже,
как отдали столь громкому занятию?

Алхимик

Да это ведь еще не аргумент!..

Беруни

Не аргумент, вы правы. Ну, а все же?..

Алхимик

Десяток лет...

Беруни

И что ж — близки вы к цели?..

Алхимик

Да как сказать... Порой сдается: рядом...

Беруни

Зато потом опять выходит пшик!
Послушайтесь: не тратьте жизнь напрасно!

Алхимик

Нет, верю я, что золото найду!

Беруни

Найти-то можно... но из меди сделать
никак нельзя. Ни в химии, ни в жизни!

Снова смех среди ученых. Духовники настороженно молчат.

Алхимик

Нет! Все-таки... когда б пресветлый шах
мне выделил еще немного средств...

М а м у н

Еще немного!.. Разве не довольно
уже и так их пущено на ветер?

Лицо алхимика выражает отчаянье.

(смягчаясь)

Ну, ладно, поглядим...

(Шейх-уль-исламу)

Святой отец,

теперь, я думаю, за вами слово!

Шейх-уль-ислам

(взяв в руки «Альбакию» и откашливаясь)

Я слушаю, о шах, и повинуюсь...

Вот в этой книге, о Абу Райхан,

вы описали все события жизни

пророка Мухаммеда. Это было б

похвально, но, увы, в рассказе вашем

она — как жизнь простого человека!

Вы словно позабыли, что он был

пророком величайшим и посланцем
Аллаха на земле!

Беруни

Отнюдь, таксыр!..

Я помню это и умом и кровью...
Но нам дела и жизнь его известны,
его семья и родичи. Рожден
он матерью, отец Хашимом звался,
происходил из рода курейшитов.
Мы помним имена друзей пророка
и ведаем дела его врагов,
всю жизнь его нелегкую! И он
страдал, боролся, победил —
и умер,
как каждый человек...

Шейх-уль-ислам

Он — образ божий!

Беруни

Как каждый человек!

Шейх-уль-ислам

Творца подобье!

Б е р у н и

Как каждый человек...

Шейх-уль-ислам

(яростно)

Но он — не каждый!!

Великий грех — приравнивать его
к любому недостойному рабу!

Беруни

Да разве я приравнивал? Напротив.
Ведь я как раз и показать хотел,
как, созданный из той же персти праха,
великой силой духа он вознесся...

А г л я м

(прерывая)

Кощунствуете!! Из того же праха...
Он изначально призван был творцом
к великой вести!

Беруни

Я твержу о том же...

А г л я м

О том же, только все — наоборот!

Беруни

Таксыры, вы ко мне несправедливы.
В конце концов вы знаете: немало
пророков в Мир являлось, и святил
Муса, Дауд, Исхак и Сулейман,
Иса блаженный... всех не перечислить...

А г л я м

Но ни один из них — ему не ровня!

Шейх-уль-ислам

Последний он среди них — и величайший!

Каратегин

Мудрейший!..

Беруни

Да, мудрейший из людей —
и все же человек! Никто из вас
природы человеческой его
не подвергал сомнению, не так ли?
И повторю: о том и речь моя,
что он, рожденный матерью простою,
возвысился до высшего призванья,
которое ему предуготовил
аллах благой...

Шейх-уль-ислам
Вы гнете все свое!

Беруни
(с улыбкой)
Как каждый человек...
(указывая на «Альбакию», серьёзно)
А в этой книге

хотел я показать, что за плечами
земли столь долгий путь, так много разных
племен, людей, событий, вер, пророков,
шахств, городов, войн, строек, грабежей,
что, этого не зная, мы не в силах
и впрямь понять, где зло, а где добро,
как истину от лжи отъединить,
а веру настоящую — от ложной,
как отграничить видимость от сути,
а новое — от всякого старья,
что много раз отвергнуто веками!

Шейх-уль-ислам
Вот... вот... вы обнажили, наконец,
важнейшее из ваших заблуждений!..
Что было, то прошло, и ворошить
все это снова, волочить на свет —

не только бесполезно, но опасно!
Точь в точь, как если бы поднять со дна
муть в хаузе прозрачном, что поит
милыоны душ... Нам мало пользы знать,
в какую тьму народы низвергало
язычество иль древнее неверье.
У нас есть ныне вечный водоем,
благословенный ключ исламской веры,
и в ней одной — ответ на все вопросы,
что вас заботят: о добре и зле,
о внешности и сути, лжи и правде.
Вот наш святой источник!—и мутить
его мы не позволим никому.
Или велите снова с тем сражаться,
что некогда повергнуто во прах
пророка словом, воинством ислама?
Увольте, не-ет, Абу Райхан почтенный,
не так мы глупы...

Беруни

О, прошу прощенья!
Не мне, не мне судить святой отец,
о точной мере вашего ума —
для этого мой ум еще незрел...
Но вы сказали как нельзя точнее
о темной мути в светлом водоеме.
Да в ней как раз и надо разобраться,
чтоб в будущем никто уж не дерзал
святую воду нашу взбаламутить!..

Каратегин

Аллах, аллах, спаси нас от соблазнов
лукавого и гордого ума!

Ибн Сино

Я думаю, они вам не грозят...
Каратегин молча мерит его яростным взглядом.

Беруни
(Шейх-уль-исламу, продолжая)
...А между тем какое море крови
пролито в эту муть... Каких сражений,
братоубийств и войн следы в ней скрыты!
Никто не принимает новой веры
без боя...

Шейх-уль-ислам
Вот вы и дошли до точки!
Вот этим злом и будете смущать
сознание правоверных мусульман!

Каратегин
Мутить простой народ!

А г л я м
Да в том и дело!..

Беруни
(он по-прежнему обращается к
шейх-уль-исламу)
Нет, вы не правы, о святой наставник!
Не кажется ли вам; преувеличив
опасности истории правдивой,
тем самым мы поставим слишком низко
исламской веры мощь? Да неужели
не справится она хоть с этой книгой,
коль та и вправду принесла бы вред?

Шейх-уль-ислам
Опять увертки!..

Беруни

Вовсе нет таксыр.

Но не отыщет будущего тот
кто не желает прошлого узнать.
История — наставница людская,
а опыт предков движет поколения,
творящие грядущую судьбу...

Шейх-уль-ислам

Ну, тут уже открытое кошунство!!.
Судьба людей predetermined
господней волей!

А г л я м

Бог — наставник наш!

Шейх-уль-ислам

Ничто, ничто не происходит в мире
без воли всемогущего Аллаха!

Ибн Сино

Выходит, наводнения и пожары —
по воле бога?

Каратегин

И сомнения нет!

Ведь это — наказание за грехи!

Ибн Сино

А коль при этом гибнет невинный?

Каратегин

Нет невинных! Груз грехов — на каждом.

Ибн С и н о

Так... стало быть, спастись от пожара,
бороться с наводнением или мором —
есть преступление против божьей воли?

Шейх-уль-ислам

(тоном угрозы)

Не путайте, почтенный Ибн Сино!..

Ибн С и н о

Да нет, я только задаю вопросы!..
Но разрешите самому ответить:
Аллах наш всемогущ и справедлив,
но он еще к тому же милосерден,
и я не верю, чтоб такие беды
он посылал на грешных без разбора!..

А г л я м

О боже, что ж это! Святой, скажите!..

Шейх-уль-ислам

Оставьте их! Потом они ответят!

Ибн Сино

Я думаю, в тех бедствиях земных,
которым род людской служил причиной,
немалою виной — людская воля-
Случайны ль было войны Искандера,
жестокие сраженья Кутейбы?..

Ш е й х - у л ь - и с л а м

Не смейте говорить о Кутейбе,
грозе аллаха, соколе ислама,
что обращал на верный путь народы!..
Не пачкайте его святое имя

смолою ваших непотребных слов!

Беруни

А между тем, о наш святой наставник,
тот праведник Кутейба сжег Хорезм —
кровь, как вода, текла с его меча!
Он сеял ужас на окрестных землях,
подобно жесточайшим из злодеев...

Ш е й х - у л ь - и с л а м

Да сам шайтан в уста вселился ваши!.

А г л я м

Кошунство!! Прекратите!!.

Мамун

Я прошу

вас потерпеть, почтеннейшие пиры.
У нас ведь тут не суд, и не базар —
ученый диспут! Пользы от злословья
немного здесь — тут доводы потребны...
Пускай Абу Райхан закончит речь.

Беруни

О, я хотел лишь вот о чем сказать:
когда в Хорезм вошли войска Кутейбы,
тут был цветущий край. Поля, сады,
дворцы, прекрасные библиотеки.
Все это под копытами погибло,
все грамотные пали, а от книг
остался пепел.

Ибн Сино

Да, под блеск мечей
и в реках крови предки наших предков

здесь веру приняли. И шел Кутейба
с зеленым знаменем в одной руке
и с гибелью — в другой!..

Шейх-уль-ислам
Какой позор!
Покайтесь, Ибн Сино!

Ибн Сино
Но разрешите
мне согрешить сначала. Ибо правда —
угодна богу.

Шейх-уль-ислам
Что угодно богу,
судить не вам, с безбожной вашей речью!

Ибн Сино
Аллах равно дарует разуменье,
а трудность в том, чтоб пользоваться им.

Беруни
Вот именно. Простите, о таксыры,
но не могу поверить, чтобы вы
столь ясных истин не уразумели,
не видели столь явственную явность.
Мне все сдается: это только маска,
которая иную прячет цель...
Не так ли и захватчики когда-то,
лицо свое закрыв щитом ислама,
на чуждые пределы посягали?..

А г л я м
Но это же открытое безбожье!..
Довольно!!.

Ибн Сино

Раз довольно, так откуда
такое недовольство, о почтенный?

Шейх-уль-ислам

О боже... Шах, ужель и это стерпим?..

Каратегин

Пресветлый шах, я, право, изумлен
долготерпеньем вашим. Если б нечто
подобное посмело прозвучать
в ушах султана, моего владыки,
то этим двум без всяких церемоний
отрезали б лихие языки!

Беруни

Благодарение аллаху — мы
не во дворце султана...

Ибн Сино

...ведь посол
впервые молвил истинную правду:
Махмуд на все способен!

Каратегин

Замолчать!

Не смей порочить моего владыку,
не то вы пожалеете, и скоро!

М а м у н

(озабоченно)

О да, мы слишком отошли от темы.
Прошу об этом более ни слова!..
Что ж до «Альбакии» — то в этой книге

о прошлом нашем сказано неплохо...

Шейх-уль-ислам
О шах, позвольте мне не согласиться!
Поверьте же, ее влиянье дурно
и принесет нам горькие плоды!

А г л я м
Я б эту книгу сжег!..

Ибн Сино
Костров не хватит.
Она повсюду разошлась по миру!

М а с и х и
А хоть бы и сожгли ее — ведь слово
ушло уже и в мире сохранится!..

М а м у н
Не будем спор сначала начинать!
Те и другие выслушаны мненья,
пусть каждый остается при своем.
Поговорим и на иные темы...

Каратегин
Позвольте, шах мой, у меня вопрос.
Вы, Беруни, с открытым уваженьем
писали об обычаях и вере,
противных правоверным... и тем самым
нарушили законы шариата!

Беруни
Нет, я законы шариата чту.
А что до иноверцев — так они
такие же, как мы, созданыя божьи!..

Каратегин

Такие же! Ты слышишь, о аллах?
Такие же!.. Да ведь они кяфиры!
Враги ислама!

Б е р у н и

Это странно все же.

Я говорил о прошлом, ну а в прошлом
был и Муса, и был Иса блаженный,
их чтите вы, приверженцев же их
готовы сжечь!.. Вы верите, сжигая,
что мощь огня очистит, исцелит —
а тех, кто поклоняется огню,
считаете чудовищами! Вы
торжественно справляете Новруз
и радуетесь молодому солнцу,
а тех, кто солнцу молится, готовы
живыми в эту землю закопать!..

Но сам пророк учил нас быть терпимей!
Ведь люди — просто люди... Кто родится
кяфиром, мусульманином, невером?

Шейх-уль-ислам

Не знаю, не морочьте нас опять,
любое ваше слово богохульно!

Беруни

Но почему?.. Не все народы разве
в единую сокровищницу духа
внесли свой вклад? Хоть тот же Афлатун...
иль Арасту! А тоже — иноверцы...

А г л я м

Сравнили — Афлатун иль Арасту!..

И б н С и н о

Немало есть великих, как они,
во всех краях земли! И друг у друга
они учились — и учили нас...

М а м у н

Достаточно! Опять все тот же спор.
Найдите, наконец, другой предмет!..

С у х а й л и

(Беруни, желая сменить тему)
Вы говорите, что земля кругла...

Беруни

Конечно. Все небесные тела
округлы — и земля не исключенье!
Кругл оком, и купол неба кругл...

А г л я м

(ядовито)

Как голова у вас не закружилась
от эдакой повальной круглоты...

Беруни

(с улыбкой)

Ну, просто я не слишком заношусь.

Каратегин

Да как же мы-то держимся на круглом?..

Ибн Сино

Но ведь, таксыр, земля — великий шар,
нам закругленье это незаметно!..

Шейх-уль-ислам
(Беруни.)

Во всем, чего ваш разум ни коснется,
идете вы наперекор исламу!
Без оговорок сказано в коране,
что плоская земля! И, стало быть,
она не может оказаться круглой!..

Ибн Сино
(с едва скрытой издевкой)
И в самом деле! Тут уж не поспоришь...
К тому ж она стоит на двух рогах
быка, а бык стоит на рыбе...
Не правда ли?

Шейх-уль-ислам
(яростно)
Да! Истинная правда!
И дважды, трижды правда! Так что вам
издевками и тоном недостойным
не опорочить слов святых пророка!!..

Беруни
(серьезно, пытаясь урезонить
шейх-уль-ислама)
О, вы напрасно гневаетесь так!
Как быть?.. Вы — охранители устоев,
стоите ревностно у них на страже,
мы ж — люди мысли, поиска, науки,
а мысль — тысячекрат подвижней ртути!
Сказал еще великий Арасту,
что мысль есть сила, движущая мир,
так было вечно, ибо мир наш вечен...
И Фараби с ним согласился...

Шейх-уль-ислам

(всем)

Ну?!

А что я говорил?!.. Ведь что ни слово —
то ересь!.. Вечен мир, вы говорите?
Да он аллахом сотворен в семь дней —
и рухнет вмиг, едва решит предвечный!..

И б н С и н о

(с прежней скрытой издевкой)

Я думаю, еще десяток лет
до этой катастрофы нам остался —
подумаем пока о сути мира.

Шейх-уль-ислам

Вам, слабым и греховным честолюбцам,
она вовек не может быть открыта!

А г л я м

Известна суть лишь одному аллаху!

Б е р у н и

Зачем же дал он разум человеку?
Отверз ему глаза, и нос, и уши?
Зачем пять чувств он смертным даровал?

Шейх-уль-ислам

Даны нам уши, чтобы слышать бога,
язык — чтоб возносить ему хвалу,
а разум — чтобы знать свои пределы!

Беруни

Немногого достиг бы человек,
когда бы занимался только этим!
А он ведь хлеб растит в былых песках,

и заставляет воду течь наверх,
огонь небесный в очаги упрятал,
железный лемех выплавил из камня,
коз приручил и оседлал коня!

Шейх-уль-ислам
Лишь с божьей помощью!

Беруни
Пускай и так.
Вы говорите, разум нам дарован,
чтоб знать предел свой?..
В том-то и секрет,
таксыр, что знать предел свой наперед
сам человек не должен и не может!
Вы движетесь — и окоем уходит
все дальше! Открывается все новый
и новый край, а им скончанья нет!

Шейх-уль-ислам
Вот, вот она, проклятая гордыня!
Она и вправду удержу не знает,
пока не ощутит небесной кары!

Беруни
Ну, что ж, кто кару заслужил — получит.
Разумно в мире все, и справедливо —
но мы должны постичь его закон!

Шейх-уль-ислам
Закон известен: откровенье бога,
дарованное нам через Коран!

Беруни
Все так, почтеннейший, не смею спорить.

Вот нам и заповедано: все — так.
Что жарок юг, студен далекий север,
в Китае утро, а в Хорезме —ночь,
зимою — стужа, летом — горячо,
вода мокра, а камень — тверд, как... камень!
Мы знаем, что все т а к... Но — почему?
Не в этом ли вопросе — смысл науки?
Три тысячи загадок ждут ответа!

Шейх-уль-ислам
Опять гордыня жалкая! Иль вы
забыли, как недолог век людской?
Три тысячи загадок... Не о них
вам впору думать — о грядущем мире!

Беруни
(негромко, со скрытым гневом)
А кто об этом будет думать? Те,
что занесли над ним свой меч кровавый?..

Каратегин
Позвольте-ка... да это вы о ком?

Беруни
О тех, кому покоя не дает
соседей благоденствие; о тех,
кто зарится на мирные плоды
чужого и труда и процветанья!
Кто жаждет мирный проглотить Хорезм,
с богатствами его дворцов и пашен!

С у х а й л и
(Беруни, тихо)
Вы думайте о том, что говорите!..

Каратегин
Коль все эти намеки клеветы
ввиду имеют...

М а м у н
(прерывая, обеспокоенно)
Мы ушли от темы,
поверьте, здесь политике не место!

Каратегин
(продолжая, настырно)
...ввиду имеют... да, ввиду имеют
владыку моего — я заявляю:
султан Махмуд — отнюдь не враг Хорезма!
Но враг султана, кто на нас клеветет!!.

Шейх-уль-ислам
Бесспорно!

Каратегин
Ведь Хорезм — страна ислама,
так как же можно думать, что султан —
ислама щит и светоч!— может бросить
войска на мусульманскую страну!

Шейх-уль-ислам
Воистину! Султан — гроза неверных!

Беруни
(негромко)
Двурушничество — страшная болезнь.

Шейх-уль-ислам
Что вы сказали?

Беруни
Это я — себе.

Шейх-уль-ислам
(успокоенно, ему кажется, что Беруни, наконец, всерьез одернули)
Нет, что ни говори, а дела нет
важнее, чем покорности учить,
склоняя правоверных к покаянию,
к презренью благ и прелестей мирских...

Беруни
Что ж, с этим вы справляетесь успешно.
И в Судный день аллах введет вас в рай,
и гурии в раю служить вам станут —
кто потрудился в этом мире, там
получит наслаждение сторицей...

Шейх-уль-ислам
Надеюсь, будет так.

Беруни
Но почему,
скажите мне, таксыр, на этом свете
своим словам не следуете сами?
Иль правду говорят в народе: «Делай,
что мулла молвит, а не что творит»?..

Шейх-уль-ислам
Что это значит?!

Беруни
Только то, таксыр,
что в свой гарем ввели вы восемь жен,
наложниц до полутора десятков,

вам служит множество рабов и слуг,
домов с садами ваших — мне не счесть,
о прочем — я и размышлять не смею!
Что умерщвляете вы плоть свою
в несчетных развлечениях,
сотней явств,
какие и в раю едва ль едали!
И бедный правоверный люд глядит
на все это...

Шейх-уль-ислам
Да это просто... бунт!
Бунт!! Клевета!! Мой шах, остановите!..

М а м у н
(смеясь)
Какая ж клевета, святой отец!..
В гареме-то — и правда восемь жен...

Шейх-уль-ислам
(кипя от ярости и брызгая слюной)
Да сколько б их там ни было! Хоть десять!!
Да как он смеет, жалкий грамотей,
меня позорить перед всем собранием —
меня-то, самого шейх-уль-ислама!
Писака пыльный, нищее отребье!!
Прошу простить, но здесь я не останусь...

Поднимается и выходит. Среди духовенства — ропот,
некоторые попробовали, было, встать вслед, но видимо,
не решились без позволения шаха.

М а м у н
Вы, Беруни, и впрямь неправы были,
нельзя же в споре о таких предметах

переходить на личности.

Беруни
(кланяясь)
Прошу
простить меня, великий повелитель...

Входит слуга.

Слуга
Посланье от Халифа!

Подает Мамуну свиток с посланием. Мамун разворачивает, читает. Общее молчание.

Мамун
(кончив читать)
На сегодня
закончим мы — продолжим на неделе.
Свободны все!..
Останьтесь вы, визирь,
вы, Ибн Сино, Дабир, Абу Райхан...

Все, кроме названных, выходят.

С у х а й л и
Приятные ли вести, шахиншах?

Мамун
Приятные, но...

Пауза.

Мне прислал халиф
богатые подарки — и присвоил

почетный титул «Блага государства»
и званье «Украшение ислама».

С у х а й л и
Прекрасно!

Дабир
Замечательная новость!

Сухайли
Мой шах, я от души вас поздравляю!

Мамун
Благодарю. Однако, почему
вдруг, без причины, этот водопад
из милостей? С чего бы столь неожиданный
поток благоволенья?.. Иль халиф
какую-то неведомую цель
преследует тем самым?

С у х а й л и
Почему же
не мог халиф из чувства уваженья
к достоинствам и всем деяньям вашим...

Мамун
Визирь, не надо лести. Все непросто.
Что думаете вы, Абу Райхан?..

Беруни
За этим что-то кроется, бесспорно...
Мне кажется, что званья вам присвоив,
хотел халиф тем самым вызвать гнев
Махмуда против вас — и отворотить
все помыслы султана от Багдада...

Воображаю: только эта новость
помехою, конечно... Но не смею
и пренебречь столь благородным делом!
Не для людей ли — вся моя наука?..

Д а б и р
И вы заслужите их благодарность!

Б е р у н и
Как ни важна охотнику добыча —
сама охота для него важнее.
Так жив ученый не вознаграждением,
не благодарностью — самой наукой!..

И б н С и н о
Но между тем сумеете вы тут же
разведать тайны самого Джейхуна!

Б е р у н и
Вот здесь вы правы, Ибн Сино...
Визирь!

С у х а й л и
Я слушаю!

М а м у н
Хорошую усадьбу
дать Беруни. С добротным домом, садом.
И жалованье положить большое!..

С у х а й л и
Я слушаю, мой шах...

М а м у н
Ну... в путь, друзья!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина вторая

Зала султанского дворца в Газне. Стены обиты драгоценными тканями, полы устланы шелковыми коврами, атласными одеялами. Везде расставлены золоченые столы, на них — присланные отовсюду подарки: золотые и серебряные изделия, шкатулки, драгоценные камни, слитки. Султан Махмуд в сопровождении великого визиря Ахмеда ибн Хасана Маймонди осматривает подаренные вещи.

Маймонди
(показывая)

Вот — из Савада... вот — из Индостана...
Вот — из Китая... вот — из Бухары...

Махмуд
Но этого же мало... мало! Все?..

Маймонди
Покуда — все... Еще, конечно, будет...
Со временем, султан мой!

Махмуд
Но, визирь,
ведь это капля в море! Что, не знаешь,
чего нам стоит войско, да и двор,
и все походы?!..

Маймонди
Знаю, мой султан...

Махмуд

А стройка?.. Я тебе уже сказал:
пусть ни один дворец на белом свете,
ни у какого шаха иль султана,
с моим дворцом-богатством не сравнится
и вполовину!

Маймонди

Помню, мой султан...

Махмуд

А стало быть, богатства всех земель,
всех шахств и ханств, обитателей, столиц —
в мою казну рекой должны стекаться!
И не Багдад, Ургенч иль Бухара —
Газна отныне будет центром мира!..
Визирь, ты понял?

Маймонди

Понял, мой султан...

Махмуд

Так что же ты мне кажешь эту мелочь?
Чтоб вызвать раздражение мое?
Напомнить мне, что цель еще далеко?..

Маймонди

Помилуйте, султан мой... Я хотел,
наоборот, вам показать, что к цели
вы движетесь... Но надобно терпенье!
Ведь мир велик! Не сразу весть доходит,
не сразу возвращается ответ...

Махмуд

(садится, ·· задумчиво)

Да... Почему ж халиф не отвечает?

Я знаю, знаю, он меня боится...

Его тревожит мощь моя и слава,
он был бы рад меня остановить,
да только слаб для этого, не видит,
какую мог бы выставить преграду...

Ну, думай, думай! Подождем пока,
но если будешь медлить слишком долго,
клянусь, ты у меня заплачешь кровью!

Маймонди

О да, настанет срок — и сам халиф
опустится пред вами на колени.

Тогда вы сами станете халифом
всего ислама!.. Даст аллах, так будет.

Махмуд

Твоими бы устами, о визирь...

Хлопает в ладоши, входит ·· слуга.

Пускай военачальники войдут!

Слуга, кланяясь, исчезает. Почти тотчас входят военачальники,
в том числе Сапалтегин и Агабатыр.

Сапалтегин

(кланяясь)

Султан великий! Ждем твоих приказов!

Махмуд

(не обращая внимания)

Как чувствуешь себя, Агабатыр?

Агабатыр
(тоже кланяется)
Неплохо, мой султан!

Махмуд
Тогда готовься:
на днях нам новый предстоит поход!

Агабатыр
Но, мой султан, войска устали очень,
не дать им отдыха — поход сорвется...

Махмуд
Что ты сказал! Я как-то не дослышал...

Агабатыр
Войскам бы отдых нужен...

Махмуд
Отдыхать
положено в могиле — ты не знал?
Сдается мне, что не войска устали —
тебе потребен отдых... Ты свободен
от армии!

Агабатыр
Великий повелитель,
но ведь вся жизнь моя прошла в походах,
и с нукерами!..

Махмуд
Видно, что прошла!

Агабатыр
О мой султан, я постарел, конечно,

но уж не так...

Махмуд
Мне не перечь, смотри

Агабатыр
Ведь сколько раз я, жизни не жалея,
сражался насмерть за тебя, пресветлый...

Махмуд
Не понял ты, что я тебе сказал!
Никто не смеет мне перечить!.. Эй!
Палач и стража!
Вбегают стражники, за ними — палач.
(указывая на Агабатыра)
Увести! Повесить!
Пусть будет назиданием другим.

Стражники и палач уводят поникшего Агабатыра.

Махмуд
Сапалтегин!

Сапалтегин
Готов я, мой султан!
Как повелишь — так выступят войска!
Куда прикажешь — кони устрелятся!

Махмуд
Вот это — истинная речь батыра!..
Ты нукерам скажи, что без похода
ржавеет сталь, добыча расточится.
А им нужна добыча, как и мне,
и вскорости они ее получают!
Смотрите же, готовьте лошадей,

слонов и все могучее оружие.
Просите все, что нужно для похода —
для армии казна моя открыта!
Скажи им всем об этом, не забудь!

Сапалтегин
Не премину, великий повелитель!

Махмуд
(задумчиво, словно сам с собою)
Куда вот только... Индия? Хорезм?..
(как бы очнувшись)
Потом! Покуда можете идти.
Военачальники с поклонами уходят.
Расходы увеличатся... Меж тем
казна и так не чересчур обильна!
Как быть, визирь?.. Понятно — иноверцы
должны отдать и души и добро!
Но мусульмане... Тут сложнее узел!
Есть много правоверных богачей —
купцы, вельможи, беки! Только где
отыщем повод их прибрать богатства?..

Маймонди
Ну, повод мы найдем — лишь прикажите!

Махмуд
Вот, вот... К примеру... в жадности чрезмерной
для мусульманина — немалый грех...
А? Это мысль!.. Как смеет правоверный
богаче быть... ну... самого пророка!
Что скажешь, а? Придумано неплохо! Ведь мы могли б назначить им
предел,
а все излишки —
забирать на войско!

Кто скроет что-нибудь — уже преступник:
казнить, а все имущество — в казну!

Маймонди

(с глубоко запрятанной иронией)
О мой султан, отменнейшая мысль:
казна всегда от казней богатела!
Вот только: как бы богачи... и знать...
от вас не отвернулись. А они —
вы сами знаете — опора трона!

Махмуд

Мой прочен трон, визирь! Да и к тому же
его опора — войско, а не знать!
Но мы... конечно... мы предел назначим
не слишком низкий...

Маймонди

Это будет мудро!

Махмуд

Вот!.. Но взамен придется нам повесить
с кочевников налоги, и с индийцев,
и с наших вилайетов!

Маймонди

Мы повесим.

Махмуд

А поначалу надобно шепнуть:
пусть беки и вельможи шлют подарки
богаче и внушительней!

Маймонди

Шепнем...

О мой султан! По мне, вы рассудили
умнейшим образом — все это вместе
в короткий срок обогатит казну.

Махмуд

Боюсь, что недостаточно...

Да, вот что:

к кочевникам, доселе непокорным,
пошлем войска. Мужчин и женщин —
в рабство,
весь скот, коней, добро — распродадим!

Маймонди

Исполним все!.. Вдобавок — непокорный
кочевник на границе — ни к чему...

Махмуд

Вернулись ли лазутчики?

Маймонди

Пока

не все еще. Но вскорости вернутся.

Махмуд

Нам нужно ведать все об Индостане,
да и Хорезм — лакомый кусок,
и медлить тут не следует...

Маймонди

Конечно.

Махмуд

Пошли еще лазутчиков. Побольше!
На это средств не надобно жалеть...
Да! Чуть не позабыл: гарем очисти!

Красивых всех оставишь, а увядших
иль нукерам раздай... Иль — в рабство!
Глядишь, еще какая-то толика
монет!..

Маймонди
Вы справедливы, мой султан!

Махмуд
Да! Выберешь каких-нибудь себе.
Которые по вкусу...

Маймонди
О султан,
я вас покорнейше благодарю
и буду каждый час за вас молиться!

Махмуд
Ну, ну... Ты ж знаешь: после первой ночи
девчонка для меня не существует.
Так что любую можешь выбирать!

Маймонди
Султан мой, все красотки после вас
для нас благословенны!

Махмуд
Ну и ладно...
А новых подбирай — из разных рас,
но возрастом — шестнадцати не старше.

Маймонди
Для вас все сливки снимем, повелитель!

Махмуд

Вот именно. А то уже в гарем
и заходить противно. То, что ново —
лишь то и кстати, то и хорошо...

Маймонди
Вы правы, как всегда!

Махмуд
(смеясь и трепля визиря по плечу)
Ведь прежде, чем
вкусить от сладостей иного света,
сначала надо здешние отведать!

Маймонди
(с подобострастным смехом)
Конечно! Надобно поупражняться!

М а х м у д
(оживленно)
А ну, визирь, налей-ка нам вина!

Маймонди подходит к столику у стены, наливает в два
кубка вино из серебряного кувшина. Один кубок подно-
сит Махмуду, другой держит в руке.

Вот так-то! Выпьем!

Пьют.

Не могу, однако,
никак решить, с чего начать — с Хорезма
иль с Индии...

Торопливо входят принц М а с у д и поэт У н с у р и.

М а с у д
Простите, о султан,
что мы вошли...

Махмуд
А! Сын мой! Заходи...
И вам, наставник, дверь всегда открыта!

У н с у р и
Нас привело поспешнейшее дело.

Махмуд
Какое же?

М а с у д
Вы приказали бросить
под ноги бешеным слонам поэта
Фирдоуси!.. Но в чем его вина?

Махмуд
А, принц! Так вы за этим и пришли?..
Какая честь ничтожному писаке.
Представьте только: в жалкой "Шахнаме"
он смел Иран возвысить над Тураном,
воспел восстание бунтовщиков,
«захватчику» грозил небесной карой!..
А на кого намек? Не на меня ли?

Масуд
Кто вам внушил такое, мой султан!..

Махмуд
Внушил?.. Что за слова! Мне доложили.

Масуд

Но тот, кто вам докладывал, ошибся!—
и, может быть, нарочно, повелитель...
Фирдоуси однажды посмеялся
над неким визирем-подхалимом...
Не месть ли это просто, о султан?
Не мог поэт замыслить поношенья
мечу ислама и грозе неверных!..

У н с у р и
Щит справедливости, даруй пощаду!
Ведь это же Фирдоуси — ему
подобного не знают в целом свете,
мы рядом с ним — как маленькие дети
по дару слова, знаниям, уму!

Махмуд
Наставник мой, себя не умаляйте:
вы — шах поэтов!

У н с у р и
Нет, я перед ним —
ущербная луна пред ясным солнцем!..
Простите же Фирдоуси, молю:
коль будет жив и дивный труд закончит —
его слова вам обещают славу,
а казнь его — пятно на вас положит,
которого не смоее ничем!

Масуд
И я прошу, отец!— чтоб ваше имя
не проклинали все поэты мира...

Махмуд
(подумав, сурово)
Ну, хорошо. Решенья своего

не стал бы я менять, когда б не вы,
мой сын — и мой наставник благородный.
Вам — сердце не умеет отказать...
Казнь мы отменим, но моя столица —
не место для строптивого и Оэта.
Его куда-нибудь подальше вышлем...
ну, скажем, в Туе...

Масуд
(целуя Махмуду полу халата)
Владыка благородный,
благодарим!

У н с у р и
О наш султан великий,
величием сердца вы превыше сана!
Масуд и Унсури, кланяясь, уходят.

Маймонди
(все это время он молчал в стороне)
Хитры поэты и сладкоречивы...

Махмуд
О да! И все же их дразнить не стоит,
как и ночному вору — пса цепного:
не то залает и разбудит дом...

Маймонди
Мудрейший властелин!..

Входит слуга.

Слуга
К вам от халифа посланец!

Махмуд
Наконец-то! Пусть войдет!..

Слуга удаляется.

Посмотрим, что за вести...

Входит, низко кланяясь, · · · п о с л а н е ц.

П о с л а н е ц
О султан,
Салом алейкум!

Махмуд
Вассалом...

П о с л а н е ц
(подавая свиток)
Халиф
с утра до ночи молится за вас
и передать велел вам на словах
свое торжественное уважение
к надежнейшему из столпов ислама,
поборнику законов шариата...
Все прочее — в письме...

Махмуд
(подозрительно взглянув на посланца, потом на свиток)
Сейчас увидим...
(передавая свиток Маймонди)
Читай, визирь!

Маймонди
(развертывая свиток и читая)
«Махмуд, султан Газны!

Послание твое мы получили,
и замысел твой ясен нам вполне.
Ты требуешь себе Маверранахр —
и ждешь от нас указа, чтобы он
склонился пред тобою добровольно,
не то ты сам мечом к тому принудишь...
Ты, видно, хорошо уразумел:
на свете нет покорнее людей,
чем мусульмане. Но твое желанье
исполнить мы не можем, и указа
не издадим такого: ведь тебе
своих земель довольно! Если ж ты
пойдешь и вправду на Маверранахр,
то знай, что мы весь мусульманский мир
против тебя подвигнем. Пусть аллах
хранит нас всех. Аминь. Кадыр, халиф
всех мусульман, в Багдаде».
(свертывая свиток)
Вот так так...

Махмуд
(после паузы, яростно, ·· он еще не может до
конца поверить)
Как-кая низость... на словах — одно,
в письме — обратное!..Обычай есть
посла не убивать, не то, посланец,
ты головы бы не сносил за эту
весть гнусную!..

Посланец
Нет на послах вины!
Они лишь передатчики простые...

Махмуд
Так вот, ступай к халифу своему

и передай: теперь вина — на нем.
Явлюсь я со слонами боевыми
и разорю, сожгу Багдад дотла!
Саму я почву увезу оттуда,
чтоб впредь там ни былинки не росло!..
Не будь Махмудом я, когда того
не сделаю!..

Посланец
Но, мой султан...

Махмуд
Ступа-а-ай...
покуда я еще не передумал
тебя живым отсюда отпустить!..

Посланец испуганно кланяется и, стремительно пятясь,
уходит.

Лукавый пес! Теперь и он узнает,
что значит гнев Махмуда!..

М а й м о н д и
О султан мой,
не лучше ли сперва подумать...

Махмуд
О чем тут думать!

Маймонди
Нам халифа хитрость
ясна уже. Мы можем быть хитрей.

Махмуд
К чему ты клонишь?

Маймонди
Да ведь вес халифа
еще велик в исламском мире. С ним
открыто воевать — для вас не гоже!..

Махмуд
Ну?..

Маймонди
Я подумал, о султан пресветлый.
вы собирались, раньше или позже
идти с войсками на Хорезм...

Махмуд
И что же?

Маймонди
Но мы могли бы взять Хорезм без боя —
к тому же в друга превратив врага.
Тогда халиф раздумал бы грозить...

Махмуд
Я что-то не пойму.

Маймонди
Да очень просто:
одна красавица порой сильнее
победоносной рати!

Махмуд
А! Пожалуй...
Я понял, понял — молодец визирь!..
Да ведь и вправду было бы нехудо
Мамуна зятем сделать!

Хорезмшах
у нас бы оказался под седлом!
Ты молодец, визирь — клянусь аллахом!

Маймонди
(осторожно)
Вот только... согласится ли принцесса?

Махмуд
А, согласится! Это — не задача.

Хлопает в ладоши, появляется слуга.

Позвать сестру ко мне!..

Слуга исчезает.

Сейчас увидишь.
Век Сайера перечить мне не станет.

Маймонди
(так же осторожно)
О мой султан, но есть еще препона:
Каратегин... ему вы слово дали.

Махмуд
Ну, дал, и что ж? Теперь возьму обратно!
Да он и сам поймет, когда увидит,
что сможет вскоре стать хорезмским беком.

Входит... Сайера.

Сайера
Меня вы звали, о султан великий?

Махмуд

Да, подойди, сестра. Весть для тебя...
Сам хорезмшах тебя желает в жены!
Что скажешь?

Сайера

(подумав)

Моя воля — ваша воля.

Махмуд

Похвально, о сестрица! Я другого
не ждал ответа. Да и в самом деле:
шахиной станешь в богатейшем крае!
И я даю приданого довольно,
рабов, служанок, нукеров и стражи...

С а й е р а

Что ж, я согласна войско заменить —
для вас Хорезм завоевать без боя...

Махмуд

Ну, умница!

Сайера

Я прихожусь недаром
родной сестрой Махмуда Газневи!

Махмуд

Благодарю, сестра. Иди. Готовься.
Бог помоги тебе!

Сайера уходит.

А ты, визирь,
готовь дары Мамуну — и все то, что

принцессе полагается: подарки,
приданое, одежду... погрузи
на сто верблюдов, пятьдесят слонов,
три сотни лошадей!

М а й м о н д и
Но, мой султан,
не лучше ль шаху весть послать сначала?..

М а х м у д
К чему тут весть, когда такую честь
я оказал Мамуну? Неужели
осмелится ее он отклонить?
И выгода тут для него прямая:
союз и дружба — вместо нападения!
А то, небось, уж издрожался весь...

Маймонди
Внимаю, о султан, и повинуюсь...

Махмуд
Итак, Хорезм мы ублажим и, значит,
сильнее вдвое станем, а халифа
оставим в дураках, и он уймется,
и не посмеет больше строить козни.
Так силы мы свои освободим
для Индии! Прекрасно...

Маймонди
В самом деле!

Махмуд
(смеясь)
Что ж до подарков зятю-хорезмшаху,
то он, блюдя законы уваженья,

надеюсь, отдарит меня сторицей!

М а й м о н д и
(тоже смеясь)

И клад ваш станет разом сотней кладов!..

Входит слуга.

Слуга
Султан великий! Из Хорезма прибыл
Каратегин...

Махмуд
И кстати — и некстати...
Зови его!

Слуга исчезает, входит ·· Каратегин.

Каратегин
(кланяясь)
Мой славный повелитель,
я из Хорезма вам привез привет!

Махмуд
Прекрасно. Ну, что же там, в Хорезме?

Каратегин
О мой султан, хоть я едва ль сумею
вам сообщить, чего бы вы не знали,
но все-таки скажу: Хорезм — цветет.
Улучшены и разрослись каналы,
поля пьют досыта Джейхуна воду
и дарят небывалый урожай,
сады настаивают медом воздух;
ремесленников — тьма, гудят базары,

и вообще торговля процветает,
поскольку сам великий путь торговый
пролег через Хорезм... Купцы из Рума —
и Индии, Китая — и Кавказа,
из Бухары — и из Булгар, Египта —
и Самарканда — словом, отовсюду —
везут и закупают там товары...
И все это — как золотой родник,
несякнущий источник!

Махмуд
В самом деле?..

Каратегин
Клянусь, о мой султан! Скончанья нет
доходам от торговли и хозяйства...
И хорезмшах весьма разбогател,
завел роскошный двор, где музыкантов,
певцов, танцовщиц, каллиграфов, зодчих,
поэтов — невозможно сосчитать.
Ученые — семи частей земли...
Хоть меж последних — многие опасны,
особо Беруни да Ибн Сино,
что подвергают дерзкому сомнению
суть сур корана, догмы шариата.
А главное — дерзают поносить,
хоть и намеками, победы ваши
и чистые намеренья чернят!..

Махмуд
(нахмурясь)
Зачем же их там держат?..

Каратегин
Как сказать?

Мне кажется, что в тон они попали
Мамуна мыслям...

Махмуд
(так же)

Многим ли еще
в Хорезме дивном я не угодил?

Каратегин
О нет! Муллы всем этим недовольны,
ждут помощи от вас — и, что ни час,
за вас возносят жаркие молитвы!..

Махмуд
Так, так... а этот самый Беруни...
Как звать его?

Каратегин
Абу Райхан...

Махмуд
Так, так...
Он, что, такой отпетый нечестивец?

Каратегин
Да, мой султан! Не признает основ
исламской веры...

Махмуд
Ну, а — как ученый?
Уж так ли он действительно велик?

Каратегин
Так говорят ученые, но им...

Маймонди
(перебивая)

Кто с ним беседовал, те утверждают,
что мудр он почти, как Сулейман,
и равен с ним. в познаныи тайн вселенной,
неисчислимых языков ее.

Других таких и нет в подлунном мире!
При всем при том, конечно, он упрям,
и дерзок — и без меры, и без веры...

Махмуд

Ну, окажись он при моем дворе,
ваш лев бы стал покорен, как котенок...

А между тем, такая знаменитость,
как он да Ибн Сино... где им и быть,
как не в моем дворце? Скажите сами!
Каратегин!.. Иль золотом, иль силой,
иль уговорами — ко мне доставишь.
Не захотят... ты понял?

Каратегин
Да, великий!

Махмуд
А что ты держишь?

Каратегин
(смущенно)
Книгу Беруни...

Махмуд
Ах, вот как!

Каратегин
(так же)

Да... ее просил достать
Масуд, ваш сын сиятельный...

Махмуд
А ну-ка!
Берет книгу, легко перелистывает.
Должно быть, это, правда, интересно,
раз принц просил...

Входит Масуд.

Масуд
Простите, о султан!
Но я слышал — Каратегин приехал...
Достали ль книгу?

Махмуд
Вот она, сынок.

Масуд
(схватив книгу, прикладывает ее к глазам,
целует)
«Альбакия»! «Альбакия» — моя!..
(Все)
Сто раз, нет, тысячу — благодарю!

Листая книгу и мгновенно погрузившись в чтение,
уходит.

Махмуд
(глядя ему вслед, совершенно несвойственным
ему тоном покорной нежности)
Увы, мой сын идет другим путем...
(после паузы, словно опомнясь)
Однако же — еще какие вести?·

Каратегин
Есть важная; халиф прислал недавно
Мамуну дорогие одеянья
и звания присвоил: «Украшение
ислама», «Благо государство»!..

Махмуд
(скрипнув зубами)
У-уу, жалкий интриган! У, лис бесчестный!
У-у, лицемер!.. Что мне предназначалось —
по сути, по заслугам, праву, силе —
вручил трусливейшему из врагов!

М а й м о н д и
Султан, султан, не сетуйте напрасно!
Вы позабыли: этот враг трусливый —
уже не враг вам, а ближайший родич!
Вам даже кстати
возвышение зятя...

Каратегин
(удивленно)
Какого зятя?..

Махмуд
(остыв, нарочито небрежным тоном)
Я и позабыл —
ведь ты не знаешь...
Выдаю сестру
за хорезмшаха. Свадьба будет скоро.

Каратегин
Но, мой султан...

Махмуд
Спокойней! Таково
решенье наше. Ну, а остальное
услышишь ты от Сайеры самой.
Сейчас ее пришлю. Пошли, визирь!..
Махмуд и Маймонди уходят.

Каратегин
(один, с гневом и горечью)
Да что же это!..
(передразнивая)
«Таково решенье!»
Но ведь вчера — еще вчера! — решенье
иное было в силе... Мало ль я
трудился, рисковал, кривил душой
во имя... О-о! Дым — вот мои надежды!
Мираж пустой!.. Он мною поиграл,
как пешкою на шахматных квадратах:
еще вчера в ферзи как будто двигал,
а нынче — раз! — подставил под слона,
и все дела... А там — долой с доски!
Так что же мне? Все так же пресмыкаться,
ловчить, служить без памяти и срока?..
Или бежать отсюда?.. Но куда!
Уж мне ль не знать, как долги эти руки!
Найдет везде...

Входит... Сайера.

Сайера
Батыр Каратегин!
Добро пожаловать!..

Каратегин
Спаси-ибо...

С а й е р а

Брат повелел мне послужить ему,
а я-то... я... я для тебя старалась.

К а р а т е г и н

И как же это?

С а й е р а

Пораскинь мозгами.

Ведь хорезмшах когда-нибудь умрет...
и, может быть... кто знает... даже скоро.
И кто же станет новым хорезмшахом?..

К а р а т е г и н

Кто?..

С а й е р а

Ты!.. Ревнивец мой тупоголовый!

Каратегин

Очередная сладкая приманка.

С а й е р а

А ты и впрямь охотник никуда:
не отличишь приманку от добычи!

К а р а т е г и н

Ха! Да покуда хорезмшах умрет,
успею я скончаться дважды, трижды!

С а й е р а

(смеясь)

Слышал

торжественную новость?

К а р а т е г и н
(сквозь зубы)
Мне сказали.

С а й е р а
Однако, ты, я вижу, слишком мрачен.

К а р а т е г и н
Не слишком. Ровно в меру.

С а й е р а
Иль не понял,
что значит эта новость для тебя?

К а р а т е г и н
Не понял? Я?! Да тут ишак бы понял,
столб, дерево, замызганная тряпка!..
Покудова я нужен был зачем-то —
меня манили сладким обещаньем.
Не нужен стал, иная дверь открылась —
и в грязь пинком отправили с порога...
Не понял! Ха!

С а й е р а
Нет. Не уразумел.
Брат повелел мне послужить ему,
а я-то... я... я для тебя старалась.

Каратегин
И как же это?

С а й е р а
Пораскинь мозгами.
Ведь хорезмшах когда-нибудь умрет...

и, может быть... кто знает... даже скоро
И кто же станет новым хорезмшахом?..

Каратегин
Кто?..

С а й е р а
Ты!.. Ревнивец мой тупоголовый!

Каратегин
Очередная сладкая приманка.

С а й е р а
А ты и впрямь охотник никуда:
не отличишь приманку от добычи!

Каратегин
Ха! Да покуда хорезмшах умрет,
успею я скончаться дважды, трижды!

С а й е р а
Скончаться дважды — это чересчур
и для тебя, хоть ты батыр великий.
Но, к сожаленью, ты еще и глух:
не услышал того, что я сказала —
случиться это может очень скоро...

К а р а т е г и н
(до него доходит смысл сказанного)
Так... скоро... Скоро! Скоро для тебя!
А я, покуда ты в его объятьях
законной страсти станешь предаваться...
я буду, как на угольях, гореть!

С а й е р а
Не бойся: и тебе перепадет.

К а р а т е г и н
(по лицу его расплзается самодовольная
улыбка)
Ого! Плutowка...

С а й е р а
Плutowству училась
я у мужчин.

К а р а т е г и н
Яд! Яд на языке!

С а й е р а
Мой яд — для прочих, а тебе не страшен.

К а р а т е г и н
И хочется поверить, да не верю!

С а й е р а
Батыр, послушай-ка... ты все же помни,
кто ты, кто я. Коль гордая планета
сошла с небес к тебе, соринке малой,
умей хотя бы верить в это счастье,
не вороти с тупым ворчаньем носа,
как наглый пес!..

К а р а т е г и н
Прости меня, принцесса...

С а й е р а
И уясни, что я еще скажу:
хоть ты лихой батыр, не полагай,

что ты такой — единственный на свете...

(после паузы)

Я знала до тебя еще троих.

К а р а т е г и н
Ка-ак!.. Кто они?

С а й е р а
Они?.. Мои рабы.

К а р а т е г и н
И... где они теперь?..

С а й е р а
Теперь — в могиле.

К а р а т е г и н
И это... ты...

С а й е р а
Да, это я, батыр,
им помогла отправиться туда.
Что делать, увлечение skonчалоcь,
пришлось им тоже следом умереть...
Люблю мужчин, но и себя не меньше!

Каратегин молча смотрит на нее, не в силах ничего
сказать.

Ну, ну, не падай духом. Ты представь,
что во дворце громадном хорезмшаха
важней меня не будет никого.
Хоть буду я всего только шахиня,
зато —сестра Махмуда Газневи!
И мы там все по-своему устроим,

расставим верных, ну а прочих — прочь!
А ты... ну, что ж, ведь есть гарем у шаха?
И у шахини будет свой гарем!
Ты понял?

К а р а т е г и н
П-понял...

С а й е р а
Значит, мы поладим.

Входят Махмуд и Маймонди.

М а х м у д
Ну, что, поговорили?..

С а й е р а
Все в порядке.
Каратегин — мой верный друг, как прежде.

Каратегин кланяется.

М а х м у д
Так, значит собираем пышный поезд —
и ты, сестра, отправишься в Хорезм!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина третья

Некоторое время спустя. Лето. Двор дома Беруни.
Посредине — суфа, справа — деревянное сури, за ними
ветви ив, очевидно, окружающих хауз. На суфе рассте-
лены ковры и курпачи, столлик, заваленный книгами, ру-

копиями, рядом стоит глобус, какие-то научные приборы, чернильница с торчащим в ней каламом. Уже рас-светает, но еще горит свеча. На сцене сначала никого нет, потом входит Гульсанам с букетом цветов, осматривается, ставит цветы в кувшин.

Гульсанам
Уже заря,
трепещет ветер в листьях,
а у него еще горит свеча...

Гасит свечу.

Конечно, он не спал и эту ночь,
а может, и сейчас в саду гуляет,
весь полон мыслей о своей науке...
Абу Райхан мой милый; только день
тебя не вижу — и покой теряю.
А между тем, и встретиться боюсь,
как к пламени живому прикоснуться...
Увы, ужель судьба моя — сгореть...

Вдыхает запах цветов.

Блесни, слеза, росой на лепестках,
вы, алые бутоны, намекните
ему о жаждущих губах моих,
цвет глаз моих нарциссы пусть напомнят!
А я пойду... Не стану прерывать
ни сна его, коль спит, ни вдохновенья.
Пойду и дальше сладостно страдать,
мучительным блаженством упиваться...

Уходит. Чуть позже со стороны сада медленно входит
Б е р у н и, видит цветы в кувшине.

Б е р у н и
Опять она была! О Гульсанам...
Ты каждый раз в мой дом, как солнце
входишь,
все наполняя радостным сияньем,
а я ловлю лишь отраженный луч
за облаками собственных занятий...
(глядя на цветы)
Букет оставила, сама ушла...
Но и такую скромницей она —
опора сердца, радость жизни этой...
Она цветами говорит со мною,
цветами образ свой передает:
бутончики — как губы, лепестки —
румянец щёк, душистый базилик —
волос напоминает дивный запах!
Как сладко, что ты есть, о Гульсанам,
хоть я тебя так редко вижу! Может,
воспоминанья — долговечней яви, мечты —
надежнее
мечты — надежнее самой любви...
И вдохновляют ищущую мысль,
и тягой к жизни наполняют душу!
Прекрасен мир, где есть ты, Гульсанам...

С кувшином в одной руке и узелком входит Б и б и-
с а р а, останавливается у края стены и кланяется Бе-
руни.

Входите же, соседка!

Бибисара
(кланяясь)
Вот катык,

а вот белье... Я все перестирала.

Делает еще несколько шагов, ставит кувшин на суфу, а узелок кладет на сури.

Б е р у н и
(с улыбкой)

Спасибо вам за этот белый цвет —
он лечит тело, просветляет мысли!
Катык — мой лучший врач, ну, а бельё —
как знак, что мы живем на белом свете!
Что ваш сынок?

Бибисара

Спасибо! Лучше, лучше...
Лекарство помогло, и жара нет.
Как Ибн Сино я отблагодарю?
Единственное спас мое дитя!..

Б е р у н и

Здоровье мальчика — ему награда.
Постойте-ка...

Уходит за боковую кулису, мгновенно возвращается с куском сахара в одной руке и куском халвы — в другой.

Вот, сыну отнесите.

Бибисара

(взяв угощение и кланяясь)
Спасибо вам, домла! Сто лет живите
на радость всем нам...

Уходит. С противоположной стороны стремительно

появляется Д ж а ф ф а р, на его раскрытой ладони
поблескивают драгоценные камешки.

Д ж а ф ф а р
Вот, учитель, вот!
Взгляните — это опытов плоды!
Б е р у н и
(берет у него камешки, смотрит)
Чудесно! Как я и предполагал.
Так осветлились, прояснились камни!
А заодно им выросла цена —
наш ювелир возрадуется...
Значит,
достаточно нагреть их на огне...
Смотри, как стали яхонты прозрачны!

Д ж а ф ф а р
Как зернышко граната!
Входит ю в е л и р.

Ювелир
О таксыр,
салом алейкум! Я не слишком рано?
Не помешал ли я занятиям вашим?..

Б е р у н и
Алейкум вассалом! Прошу, входите!
Наоборот, вы чрезвычайно кстати!
Хотите ли взглянуть на ваши камни?..
Отдаст ювелиру камни, тот смотрит.

Ювелир
Аллах, да неужели это те же?!

Б е р у н и

Конечно, те же!

Ювелир

(в полном восторге)

Истинное чудо!

Да эти яхонты, сапфиры эти
продам я в пять... нет, в десять раз дороже!

Б е р у н и

(со смехом)

А разницу, почтенный, пополам!

Ювелир

Ну, ясно!

Б е р у н и

Я шучу... Ведь эти камни

науке послужили, и наш труд

тем самым окупился. Ваша прибыль —

богатство, наша — истина...

Ювелир

Спасибо!

(прячет камни)

Но... может быть...

Лезет за пазуху, достает мешочек, высыпает из него
на ладонь другие камни и протягивает Беруни.

...быть может, и вот эти
сгодятся для науки чудотворной?

Беруни

(смеясь)

Я вижу, вам понравилось?..

(Смотрит камни.)
Ого,
да здесь так много разных!
Я как раз
читал недавно книгу Алкинди
о камнях драгоценных... интересно
попробовать... Я их возьму, почтенный!
Так, так... Вот эти явно — из Барзганджа,
а те — из Бадахшана!

Ювелир
О! Да вы
и камешки читаете, как книгу!

Беруни
Ну, каждый знает собственное дело...
А что до вас, то заходите завтра —
и драгоценности свои возьмете!

Ювелир
Таксыр, нижайше вас благодарю!

Кланяется, уходит. Почти сразу входит Худай-
б е р д ы.

Худайберды
Салом, домла!

Беруни
Салом, Худайберды!

Д ж а ф ф а р
Салом, салом.

Б е р у н и

Ну, как мой друг почтенный
и твой учитель, славный Ибн Сино?

Худайберды
Как вы, домла — весь в опытах своих...
И много занимается больными.

Б е р у н и
Да, истина дается наблюденью,
а не в итоге праздных размышлений...
Какие вести в городе?

Худайберды
Как раз
о том, домла, я и пришел сказать.
По городу ползут дурные слухи,
и улицы бурлят, полным-полно
каких-то странных дервишей, купцов,
похоже — из Газны...

Б е р у н и
Ну, дело ясно:
лазутчики Махмуда! Что же шах?

Худайберды
Молчит и терпит. Родич как-никак...

Б е р у н и
О бедный наш Хорезм! О люд несчастный...

Входят Ибн Ирак, М а с и х и, Ибн С и н о,
Д а б и р.

И б н И рак
Салом, Абу Райхан!

Б е р у н и
Салом, учитель!
Салом, друзья... Что нового у вас?
Я слышал: Ибн Сино — в трудах упорных...
И каковы успехи?

И б н С и н о
Кое-что...
Мне кажется, нашел я верный путь
леченья малярии.

Б е р у н и
Поздравляю!

Ибн Сино
Боюсь, что не с чем. Ведь пока по капле
мы прибавляем к способам леченья,
другие гибель волокут пудами!

Б е р у н и
Да, миру жить спокойно не дают.

И б н С и н о
И не дадут, покуда есть на свете
глухое зло, безжалостная жадность,
жестокое всевластие махмудов
и злобное предательство тупиц!..

И б н И р а к
(Беруни, как бы поясняя слова Ибн Сино)
Шейх-уль-ислам на утренней молитве
Вновь проповедь читал — и против вас
всю злость и яд свои направил: дескать,
вероотступники нам портят век,

безбожники ведут Хорезм к упадку!..
Мол, если здесь терпеть их станут дальше,
аллах обрушит светопреставление!
Он проклял вас... И с этим не считаться
нельзя.

Беруни
Считаться? Ни за что на свете!

Ибн Сино
Нам так и так опять грозит изгнание,
скитания, опасности и беды —
на весь остаток жизни...

М а с и х и
В самом деле
тревожная пора, Абу Райхан!
И если мы им в чем-то не уступим —
погибнем сами и наука наша.

Беруни
Наука не погибнет! Наши книги
останутся!

Ибн Ирак
Но знания путь прервется —
и кто нам скажет, как надолго?.. Нет,
упрямиться не надо, Беруни.
Мы просим вас, чтобы с шейх-уль-исламом
поладили вы миром. Ну, покайтесь,..
И принесите извиненья ваши...
от этого и вас ведь не убудет,
не пострадает и наука ваша...

Беруни

Но истину я в сердце поражу!
Забудется и славный подвиг правды —
отступничество помнится всегда...
Покаяться могу я перед богом —
перед мерзавцем каяться грешно!

Ибн Сино

Он прав, учитель! Ибо ложь с наукой —
вода и пламя. Где живет одна —
другое умирает...
Слышится конский топот.

Снова кони!

Беруни

Да этих всадников теперь не счесть!
Все мерят город из конца в конец. И ночью здесь метались... Что
искали? Кого искали?

Д а б и р

Знати и сардаров
немало всюду схвачено. Они-де
враждебно относились к хорезмшаху...
Имущество отобрано в казну.
И хоть от нас казне немного проку,
и наш черед наступит.

М а с и х и

Очень скоро!

Беруни

Но что случилось с шахом, не пойму?
Ведь все это идет ему во вред!
И воду льет — па мельницу султана...

Д а б и р

Давно уже не шах — шахиня правит,
а вместе с ней — посол Каратегин!

Я во дворец на цыпочках вхожу —
того гляди, за шиворот потащат...

Снова конский топот, крики. Шум стихает совсем близко,
по-видимому, у ворот. Слышны шаги нескольких человек.
Входят Каратегин и Сапалтегин.

Каратегин

О, в сборе все! На заговор похоже!
Не замышляете ли вы мятеж?..

Беруни

Не надо каркать, господин посол!

Каратегин

Шучу, шучу!..

Беруни

Грубейшая из шуток.

Ибн Сино

Каков посол — и шулки таковы.

Каратегин

А вы остерегитесь, Ибн Сино!
Порой полезней прикусить язык,
чтобы его и вовсе не лишиться...
Я к вам имею дело, Беруни.

Беруни

А я к вам — нет! И вас — не приглашал.

Каратегин

Я скромный человек, могу явиться
без приглашения... Вы же — забыли, видно,
что для посла Махмуда Газневи,
всегда распахнуты любые двери!

Беруни
Здесь все-таки Хорезм, а не Газна.
Каратегин
(со смехом)
Но и в Хорезме правит зять султана!..
А впрочем, перепалки ни к чему.
Я к Ибн Сино и к вам имею дело,
а остальные могут уходить.

Беруни
Но остальные — это мои гости,
они уйдут, когда лишь захотят.

Каратегин
(с напором)
Вы, что, не понимаете? Беседа
секретная и не для их ушей!..
(Дабиру)
Мне не по нраву, господин Дабир,
что вы не слышите моих советов.

Дабир
Таксыр, я понял, повторять нет нужды!

Дабир, Ибн Ирак, М а с и х и уходят, Д ж а ф-
фар и Худайберды выходят в другую ком-
нату.

Беруни
Я думаю, что знаю наперед

секрет беседы вашей... Все о том же?

Каратегин
О том же, неразумный Беруни!

Беруни
(гневно)
Да сколько раз могу я повторять?
Я не ездок в Газну! И при дворе
султана — жить не стану!.. Вам понятно?

Каратегин
Понятно — мне!.. А вот султан Махмуд
понять подобной глупости не хочет.
И он не успокоится, поверьте,
пока вас не увидит у себя.
Езжайте ж без упрямства — и султан,
клянусь, велит дворец для вас построить
и золотом вам выстелит порог!

Ибн Сино
Пусть выстелит кому-нибудь другому —
топтать мы не привыкли благородных,
хотя б и благородные металлы!..

Каратегин
Вы, Ибн Сино, завятой остроумец,
вам быть бы не табибом, а шутом!..
Но, знаете, по правде говоря,
согласье ваше мне не так уж важно:
на этот раз султан прислал сарбазов,
И вот их командир — Сапалтегин.
Так что, хотите или не хотите —
отправиться вам все-таки придется!

Сапалтегин

Шутить же долго с волею султана —
я не позволю...

Ибн Сино
Мы вам не рабы!

Сапалтегин
(с презрительной усмешкой)
Покудова...

Беруни
(гневно)
Да что все это значит?!

Сапалтегин
А вот, как развернется дело, вы...

Каратегин
(прерывая)
Потом об этом!.. Значит, Ибн Сино
и Беруни, вы снова отказались
от чести, что вам оказал султан?

Беруни
Да! Да! И да... Хорезм — мой край родной,
моя отчизна, где я сам родился,
и не затем сюда я воротился,
чтоб бросить все для клетки золотой!
Будь рай в Газне —
мне родина дороже!..

Каратегин
Вы, Ибн Сино?

Ибн Сино

Мне тоже, тоже, тоже!..

Каратегин

Тогда вас, значит, силой увезут...

Сарбазы у ворот.

Во двор входит батыр К о б л а н.

К о б л а н

Салом, учитель!

Салом, почтенный Ибн Сино! И вам,

и вам салом, почтеннейший посол!

Что там за нукеры стоят снаружи?..

Ба, да сюда пожаловал и сам

Газны прославленный военачальник!

Но что все это значит? Что случилось?.

Сапалтегин

Да ты-то кто? Тебя сюда не звали!

К о б л а н

В Хорезме непристойно глотку драть,

не то ее и выдерут тебе.

Сапалтегин

(разъяренно, вытаскивая меч)

Что? Смерть твоя тебя сюда вела!

К о б л а н

А ну, вложи-ка меч в ножны, невежа!

Под этим вот благословенным кровом

его постыдно в драке обнажать!

А если руки чешутся — пойдём

и честно за воротами сразимся...

Ты видишь — я ведь тоже при мече,

и кое-что в моей руке он значит!

Сапалтегин
(полувложив меч в ножны)
Ты кто такой?..

К о б л а н
Да родом я дехканин,
но мне-таки пришлось повоевать,
Хорезм обороняя! И не зря
меня народ зовет Коблан-батыром...
А хочешь знать, кто я сейчас? Мираб!
Помощник славного Абу Райхана
Махмуда ибн Ахмада Беруни...
Еще сказать? Иль все уже понятно?

Сапалтегин
(сквозь зубы)
Понятно...

К о б л а н
Значит, не теряйте время
и быстренько отсюда убирайтесь.
Дел у учителя — невпроворот,
а времени в обрез... как из ворот
пойдете — так не слишком-то пугайтесь:
всю улицу там запрудил народ...
Вы к нам с оружием — мы наоборот:
мир любим и не терпим препирательств...
Но Беруни, увы, у нас один —
султану мы его не отдадим!

Каратегин
А, к черту их! Пошли! Пусть остаются...
Поспешно уходит вместе с Сапалтегином.

Беруни

(волнуясь)

Спасибо вам, батыр, вы нас спасли!

Ибн Сино

Не окажись вы здесь — что б с нами было!..

К о б л а н

(со смехом)

Не окажись я здесь! Хо-хо! Да разве
я тут случайно оказался? Не-ет,
народ — он ценит своего мираба;
с тех самых пор, домла, как вы им стали,
дележ воды стал в десять раз честнее,
за каплю влаги семь потов не лили...
Вот мы теперь за всем и примечаем,
и разгадали этих подлецов —
хотя они не слишком и таились...

Беруни

Благодарю, батыр Каблан! До смерти
мы этого добра вам не забудем.
А что, на улице и впрямь народ?..

К о б л а н

Ну да, учитель! Вслушайтесь маленько...
Все прислушиваются. Действительно, становится слышен
приглушенный гул толпы.
Весь люд разгневан. Беки, знать — опять
стараятся нарушить распорядок,
введенный вами, и то там, то тут
дехканам бедным воду не дают.
А земли сохнут, и посевы гибнут...
Но ведь весной, на земляных работах,
по щиколотку в ледяной воде,
не знать месила глину, а народ!

Не беки возводили укрепления,
каналы рыли!.. А теперь они
забыли все... Народ готов восстать,
гнев, как вода под крышкою, кипит.

Беруни
Батыр, сейчас не время для восстания!
Я мирный человек, и против крови,
но праведное дело поддержал бы,
не будь оно так на руку врагу.
Ведь это был бы самый лучший повод
войскам Махмуда вторгнуться в Хорезм

К о б л а н
Мы дали б им отпор. Вот как сейчас!

Б е р у н и
Увы, едва ли. Где у вас оружие?
Дубины, самострелы, кетмени?..
Толпа пред малой кучкою сарбазов —
не то же, что перед огромным войском!

К о б л а н
Я знаю... я ведь тоже воевал.

Беруни
Вот видите! Поверьте мне, сейчас
султан Махмуд страшнее наших беков...

К о б л а н
И все ж народ терпеть уже не в силах.
И справедливость хоть толикой малой
он должен получить!..

Беруни

Мы восстановим
порядок честный в дележе воды.
Но главное для нас сейчас — единство:
необходимо сохранить Хорезм!
К о б л а н
Домла, в народе это понимают,
но, сами знаете, у знати нашей
одна лишь страсть: богатство приумножить!
И коль подачкой эту страсть — уймут,
что им, кто власть — Мамун или Махмуд...

Беруни
Ох, эта знать! Разъевшиеся беки,
придворная порода блюдолизов...
Но нынче же, батыр, пойдем мы к шаху,
поговорим с ним без обиняков!

К о б л а н
Домла... да шах с самим собой в разладе!
Он нынче не хозяин... а медведь,
надежно запертый в дворцовой клетке!

Беруни
Мы все же попытаемся, Коблан...
Авось, и сделать что-нибудь удастся!

Коблан
Ну, что ж, еще потерпим, поглядим.
Пойду. Народ немного успокою...
Уходит.

Беруни
Да, прав Коблан-батыр! Куда ни глянь,
повсюду тем, чьи руки мир содержат,
на чьей спине — все тяготы земли,

в награду достается только гнет,
лишения да вечное бесправье...
И точно так же нам, мой дорогой!
Опять пути заволокло туманом,
и, кажется, уж не проглянет солнце,
не сыщется местечка на земле,
где можно было б и творить, и думать...
Повсюду власть тиранов и невежд!
Гонители людей — враги науки...

Ибн Сино

Да. А меж тем — так много нужно сделать,
жизнь так мала... Ужель умрет со мной,
все то, что я увидел и замыслил?!
И ведь подумать, как все это глупо!
Благим делам обязан я изгнанием
из Бухары. В Хорезме — будет то же!
Куда ж потом? В пещеры? Иль в пески?..
Аллах, аллах, зачем в столь страшный век
ты в мир нас бросил! В эту пору гнета,
несправедливости и неразумья...

Беруни

Затем, наверно, чтоб несли мы свет
вот в эту тьму! Затем мы в этом веке,
что, может быть, и не нужны иному...

Ибн Сино

Усердье, ум и честность, страсть познания —
равно любому времени нужны!
А нам — не повезло...

Беруни

О нет, неправда!
Нам повезло. Не повезло глупцам,
насилъникам, убийцам. Наше счастье —

в нас, в нас самих!.. И вечно будет с нами,
даже когда мы превратимся в прах.
Наш час придет, и люди воздадут нам!..
Входит Гульсанам. Увидев Ибн Сино, останавливается в нерешительности. Ибн Сино замечает это.

Ибн Сино

Ну, я пойду. Я опыт подготовил,
ученики, наверное, заждались...

Беруни

Прощайте, друг мой. Будь над вами бог!
Уходит. Гульсанам приближается к Беруни, который до сих пор стоял к ней спиной, а теперь оборачивается.

Беруни

О, Гульсанам! Входи...

Гульсанам

Я от шахини...

Она придти вас просит...

Беруни

От шахини?

Да что за дело у нее ко мне?..

Гульсанам

Не знаю... видно, скажет вам сама...

А мне велела передать, что срочно.

Беруни

Как странно! Да, послушай... эти розы...
сегодня утром... Это ты была?

Гульсанам

Ведь сами знаете... к чему вопросы?

Беруни
Прости, прости!

Гульсанам
Зачем напрасно мучить,
когда вам все известно!.. Если вы
любить не можете, то хоть скажите.

Беруни
Что сделать мне, чтоб ты не сомневалась!
Поведать, как, когда ты где-то рядом,
трепещет сердце в горле и горит?
Люблю тебя, поверь! Жизнь без надежды
тебя увидеть — стала б вечным мраком,
а облик твой, как солнце, освещает
мой путь и несмолкающие думы.
Куда б ни шел — повсюду ты со мною,
что бы ни делал — ты везде, во всем.

Гульсанам
Ох, ну, а мне без вас — и жизни нету!
Кончается терпение мое...
Не заставляйте жить в аду разлуки,
позвольте быть мне с вами, возле вас...

Беруни
Нет, милая. Судьбу свою с моей
не связывай. Моя — на волоске.
Сегодня жив, а завтра?.. Сам себя
ни защитить, ни упasti не в силах.
Сегодня — здесь я, завтра — бог весть где.
а на тебя — лишь навлеку напасти...
Нет, существуй без горя, без забот.

Гульсанам

Без вас — без горя?.. Это невозможно!
По мне — желаннее напасть любая,
да только если с вами...

Беруни
Ты еще
неопытна, безгрешна, молода,
не испытала превращений жизни,
сама не ведаешь, что говоришь.
Найдешь себе еще другое счастье,
попроще, понадежней!..

Гульсанам
Не хочу!!.

Беруни
(продолжая)
Ты — лучик солнца ясного, и я
издалека им стану наслаждаться...

Гульсанам
Нет! Нет! И как вы, мудрый, не поймете!
Нет! Трижды нет!.. Я вся горю в огне,
умри огонь — останется лишь пепел...
Ночами я и не смыкаю глаз,
а днем... а днем мертво все и постыло,
интриги же и сплетни во дворце
похожи на игру тряпичных кукол...
О милый мой! Уедемте отсюда,
найдем спокойный, бедный уголок...

Беруни
Дитя! Такого нет на белом свете!
Где б ни был человек —
он в центре вихря...

Гульсанам
(тихо, печально)
Пойдемте же...

Беруни
Куда? Скажи — куда?

Гульсанам
К шахине...
Беруни
Ах, к шахине... да, иду.

Гульсанам
Мне боязно за вас...

Беруни
С чего?

Гульсанам
Не знаю...
Какая-то тревога бродит в сердце...

Беруни
Идем, идем! Узнаем, в чем там суть.
Уходят.

Картина четвертая

Комната во дворце хорезмшаха. Стены богато изукрашены, на полу золотканые ковры. В центре — пышно сервированный золоченый столик с кушаньями, которые обмахивает веером служанка. По одну сторону столика на шитых золотом подушках возлежит С а й е р а, по

другую сторону разложено еще несколько таких подушек. Слышна нежная музыка, негромкий хор женских голосов. Входит Гульсанам.

Гульсанам
(кланяясь)

Абу Райхан пришел к вам, о шахиня!
С а й е р а
Прекрасно! Пусть войдет... Оставьте все
Все выходят. Входит Беруни.

Беруни
Салом алейкум...

С а й е р а
Вассалом!.. Входите!
Добро пожаловать.

Беруни
Благодарю.
Вы здесь одни?

С а й е р а
(смеясь)
А вы меня боитесь?..
Я вас не съем!

Беруни
Но... попросту неловко...

С а й е р а
С, пустяки! Без зова моего
сюда никто явиться не посмеет,
и почувствуйте себя вполне свободно.
Беруни

У вас какое-то ко мне есть дело?

С а й е р а

Сначала сядьте! Не стесняйтесь, ближе...

Беруни неловко садится на самую дальнюю из подушек по другую сторону столика.

Беруни

Если желаете задать вопрос...

Простите... у меня... так много дел...

С а й е р а

Да-а?.. Но сперва, прошу вас, угощайтесь!

Беруни

Благодарю, я сыт...

С а й е р а

О Беруни,

да вы, оказывается, упрямы.

Беруни

Простите, о шахиня...

Сайера вынимает из стоящей на краю столика шахматки горсть драгоценных камней и подает Беруни.

Сайера

Я хотела

вас попросить взглянуть на это. Вот сапфир... вот изумруды... вот рубины...

Мне дарят их и в праздники и в будни,
и я хотела бы узнать, взаправду ли
так дороги они, как хороши!

Вы ж — знаете их лучше ювелиров!

Беруни

(оживленно, рассматривая камни — они
и впрямь его поразили)
О, им на самом деле нет цены.
Редчайшая окраска и огранка!
Индийские гранили мастера —
они искусней прочих в этом деле...

Сайера

Заметьте, там на некоторых гранях
видны таинственные письмена —
и, говорят, благодаря тому
иные камень обретает свойства!

Беруни
Какие же?

Сайера

Кто этот камень носит,
тот огражден от напасти любой:
хворь не пристанет и злодей не тронет...
При виде же вот этого смарагда
у змей немедля вытекут глаза!

Беруни

Да это просто выдумки, шахиня!
Вся сила сих камней — в их красоте,
ни в чем другом! Хоть сотню их носите,
они ни от змеи не упасут —
коль встретится —
ни от иной напасти!

С а й е р а

(страстным тоном)

И от любовных нестерпимых мук?..

Беруни

(с улыбкой)

Тем более!.. Ведь это суеверье —
пустым не верьте бредням!..

С а й е р а

(также)

И не верю!

Они не помогли мне от любви!
Горю, горю... и вас молю: спасите!

Беруни

(растерянно)

Но... о шахиня, я-то что могу?..

С а й е р а

Вы, только вы! Вы — и никто другой!
Ведь это к вам любовь меня сжигает...

Беруни

(вскакивая в волнении с места)

Что!.. Как решились вы сказать такое!..

С а й е р а

Я не могла вам душу не открыть,
в тоске своей дошла я до предела!..

Беруни

Ваш долг... ваш сан вас должен удержать!

С а й е р а

Я мужа не люблю — и не любила!
А сан... мой сан, о Беруни, таков,
что ничего не запрещает мне —
наоборот, он все мне разрешает!

Беруни

Клянусь, вы ошибаетесь!

С а й е р а

Да нет,

не ошибаюсь... Хоть в науке звезд
вы падишах, но ведь и я — шахиня!
И я прочла по звездам: вам и мне —
пришла пора любви...

Беруни

Н-ет... нет, шахиня.

С а й е р а

Ага! Я вижу, кажется, свой промах:
вы любите, но только не меня!..

Б е р у н и

Но...

С а й е р а

И я знаю, кажется, кого!

Да, Гульсанам — вот имя вашей тайны!..

Б е р у н и

(после паузы, глухо)

Что ж, если вы это сказали сами...
Я отрицать не стану.

С а й е р а

Беруни-и!..

Вы долго выбирали, говорят,
кого ж в итоге выбрали? Служанку!

Или шахиня хуже, чем раба?

Красивей ли служанка, чем шахиня —
такая вот, как я?..

Б е р у н и
О госпожа!..

Нет для любви служанок, нет шахинь,
другой у сердца счет, другая мера...

С а й е р а
(вдруг, стремительно вскакивая с подушек
и падая на колени перед Беруни)
Молю тебя, молю, Абу Райхан,
не отвергай меня! Вот — я шахиня,
готова стать рабою, коль велишь!

Беруни
О стыд!.. Прошу вас, встаньте, госпожа!
Меня не унижайте, и себя —
нет ничего ужаснее измены!..
Входит погруженный в задумчивость М а м у н. Сайе-
ра, едва завидев его, встает на ноги.

С а й е р а
(Мамуну, гневно)
Вы что, за мной следите?!.

М а м у н
О-о, шахиня...

С а й е р а
Так почему же без предупреждения
являетесь в столь неурочный час?

М а м у н
Да просто так — задумался, вошел...

С а й е р а
Минуты нет покоя!..

Стремительно уходит.

Б е р у н и
(растерянно и беспокойно)
Шах, я грешен...

М а м у н
Не надо, успокойтесь, Беруни,
мне суть ясна, вины тут вашей нет...
Очередная шалость и каприз
моей ханум. Я знаю их довольно!..

Беруни
О шах мой... но тогда...

М а м у н
Ну — что тогда? ;
Давно вы не бывали во дворце...
Не знаете, как все переменилось!
Я здесь один остался... да, один!
Вот старшая шахиня умерла —
и я-то знаю: умерла от яда...
А доказать — не в силах! И не смею —
не то и мой тотчас придет черед.
И так я лишний в собственном дворце,
почти что и не знаю никого,
ведь всех сменили —
слуг, придворных, стражу...
В зиндан сегодня бросили Дабира...
Здесь правят Сайера с Каратегиним —
и только ждут, чтобы я повод дал
для жалобы султану, а уж он
не преминет воспользоваться им!
О, знал бы я, что за плоды возрастут

из милости Махмуда!
Дом мой — ад мой...

Беруни
Простите, шах мой... но и вашей разве
здесь нет вины? Ведь прояви вы твердость...

М а м у н
Что твердость дерева перед ножом?
Или стекла — пред камнем?.. У Махмуда
такая сила войск... Не устоять!

Беруни
Вы — государь! И вас народ любил —
вам надо было лишь воззвать к народу...

Мамун
Пока бы я взывал — Махмуд вошел бы!..
Нет, говорить легко — решиться трудно...

Беруни
Но вы собрали здесь своих друзей —
что ж за советом к ним не обратились
пред вашей злополучною женитьбой?

Мамун
Ты прав. Но поздно говорить об этом...

Беруни
Кто знает — может быть, еще не Поздно.
Народ сейчас разгневан, возмущен...

М а м у н
(с надеждой)
Чем?.. Не моим ли горьким положением?

Беруни
(твердо)

Нет, шах — самоуправством новым беков,
что наложили лапы на поливы.

Но вам одно лишь слово стоит молвить
в защиту землепашцев, бедняков —
народ весь будет ваш, поверьте!

И

готов подняться за родную землю...
Я это говорю не понаслышке —
я, грешен, только что давал совет
не восставать, не подстрекать Махмуда!
Но я не знал, как далеко зашло...

М а м у н

И твой совет был мудр, Беруни...

Беруни

О нет, мой шах! Вы только подтвердите
закон распределения воды,
и накажите одного-двух беков...

М а м у н

Абу Райхан почтенный, мудрость вашу
я чтил всегда, но нынче как ребенок
вы судите! Когда б и был я в силах
наказывать зазнавшуюся знать—
и то бы я на это не решился.
Народ —стада, а беки — пастухи.
Что будет, если пастухов убрать,
стада собрать — и разом двинуть в город!..

Беруни

И вы, столь просвещенный повелитель —

и вы народ считаете скотом!
Воистину: кого сгубить захочет—
тех слепотой наказывает...
Впрочем,
в народе это говорят точней:
что ворон ворона в глаза не клюнет...
Прощайте, шах мой!

М а м у н
Беруни, постойте...
Я завтра бы хотел поговорить!

Беруни
Я слушаюсь, о шах!

М а м у н
(показывая на место, где стояла на коленях
Сайера)
Что было здесь —
все позабудьте, как забыл и я...
Беруни, поклонившись, молча уходит. Следом, чуть
помедлив, в глубокой задумчивости, уходит Мамун.
Сцена в мгновение— пуста, потом входят Сайера и
С у х с у р.

Сайера
Ты слышала их разговор?

С у х с у р
Слышала.

Сайера
Ну, хорошо... потом мне перескажешь.
Иди пока... я после позову.
Сухсур, низко кланяясь, уходит.

Быстрей бы мне все это завершить,
чтоб жить свободно — и без покрывала!..

Шах надоел — и пес Каратегин:
на привязи уж слишком он короткой!
Жаль, худо дело с порученьем брата —
не обломать упряма Беруни...

И мягок вроде, а не поддается,
согнешь — прямится, как клинок дамасский!

А впрочем, презабавная игра...

Вот только призадумайтесь, шахиня:
игра ли тут? Иль кое-что и вас
в такой забаве до крови задело?..

Нет, что-то есть в ученом мудреце —
и мысль о нем меня не оставляет.

А он — побрезговал, выходит, мной!..

Но я красива, а? Никто не мог
передо мною устоять покуда—
ни раб и ни вельможа! Он один...

Ужель и вправду жалкая служанка
сумела так ему заполнить сердце,
что не осталось места для меня?!

Ну, что ж — на это способ очень прост.

А медлить я — не стану!..

Наливает из кувшина в два кубка шербет, отжимает
камень перстня на одном из пальцев, наклоняет над
одним кубком — капает несколько капелек темной жид-
кости. Водворяет камень на место, хлопает в ладоши.

Входит Сухсур.

Сухсур
Госпожа?..

Сайера
Пришли мне Гульсанам для разговора.

Сухсур кланяется и выходит.

Аллах, прости еще один грешок —
глядишь, он и окажется последним...

Входит Гульсанам.

Гульсанам

Вы звали, госпожа?..

Сайера

Да, да. Садись.

Гульсанам

Благодарю.

Сайера

(вглядываясь)

Да ты и впрямь красива...

Я раньше как-то и не замечала.

Гульсанам

О госпожа, вы шутите, конечно —
кто может быть красивым подле вас!

Сайера

Сказали мне — ты любишь Беруни?

Гульсанам

(волнуясь)

Он сам сказал?

Сайера

Ну, сам не сам — неважно.

Но он к тебе равнодушен тоже.

И даже очень!

Гульсанам

О аллах великий!..

Сайера

Так сильно любишь?..

Гульсанам

Без границ! Без меры!

Сайера

И если бы потребовал любимый —
ты б для него пожертвовала жизнью?..

Гульсанам

Будь десять жизней у меня — и те
я все бы отдала, лишь попроси он!

Сайера

Ну вот, теперь я верю: ты и впрямь

Абу Райхана любишь беззаветно.

А десять жизней отдавать — к чему?

Одной довольно...

Поднимает оба кубка, один — куда добавила яд — дает

Гульсанам, второй оставляет себе.

Выпей за здоровье!

Гульсанам

Спасибо вам, великая шахиня!

Обе пьют. Мгновение спустя Гульсанам начинает за-
дыхаться.

Что... что мне дали... все горит... аллах!

Сайера

Взывай, взывай!.. Сейчас пред ним

предстанешь!

Гульсанам

(костенеющим языком)

Убий.. ца... яд... прощай... Абу... Райхан...
Падает и умирает. Сайера хлопает в ладоши. Вбегают
С у х с у р.

С у х с у р
Я слушаю, о гос...
(увидев лежащую Гульсанам)
Бедняжка! Что с ней?..

Сайера
Не вынесла любви неразделенной —
и умерла. Зови Каратегина!

Сухсур
Сейчас, сейчас!.. Сейчас я позову...
Выбегает. Сайера, прищуриль глаза, смотрит на тело
Гульсанам.

Сайера
Ну, вот и все. Ты умерла — а следом
умрет любовь к тебе, и для- меня
освободится занятое место...

Каратегин
Что тут стряслось?.. А-а, умерла!

Сайера
Конечно!
Глотнула с горя яду — и сгорела.
А виноват бездушный Беруни,
который ей на чувства не ответил!..
И вот ему ты — и доставишь труп:
сам виноват — пусть сам и похоронит
подругу, не стерпевшую разлуки!..
Каратегин, покачав головой, молча берет на руки тело

Гульсанам и выносит.

Теперь посмотрим, как ты запоешь,
упрямый умник с неприступным сердцем!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Картина пятая

Тронный зал во дворце хорезмшаха. На троне — Мамун, в зале Сухайли, Шейх-уль-ислам, Маймонди, Каратегин, Сапалтегин, Беруни, Ибн Сино, Коблан-батыр, Джайхунбек, Шункорбек и другие беки, военачальники, придворные. Обстановка явно очень напряженная.

Маймонди

Я вам привез послание султана,
где он дивится гневно, как могли —
как вы решились! — в праздничной молитве
не помянуть его благое имя!..

Вручая мне письмо, он приказал
узнать доподлинно, что это было:
намерение — или упущенье...

Шейх-уль-ислам

Ошибка! Упущенье, о визирь!

Беруни

Таксыр, не торопитесь с покаяньем!

Маймонди

Я не закончил!.. И хочу сейчас
вам всем — сардарам, бекам и придворным —

прочеть это священное посланье —
от моего султана хорезмшаху.

(Читает.)

«Вы не могли не знать, о шах и родич,
последствий явного неподчиненья
советам нашим о молитве. Нам
сдается, что виною тут — ваш двор,
а мы не терпим нерадивых слуг,
диктующих решенья государю —
ведь это означает слабость власти!..

И, в гневе на такое самовольство,
мы задержались в Балхе, чтоб собрать
стотысячное войско, при котором —
пять сотен лучших боевых слонов,
и двинуться с тем войском на Хорезм,
чтоб обличить и покарать виновных,
а вместе с тем и шаха пробудить
и дать ему уроки управления.

Безвольный шах — не «Благо государства»...

Однако позже мы сочли полезным
повременить — почтеннейшему зятю
дать время ум и разум свой собрать.
и выражаем твердую надежду,
что шах Мамун все почести велит
воздать султану, то есть нам, и тем
шах и Хорезм — свой долг Газне уплатят...»

Джайхунбек

Понятно...

Шункорбек

Вам понятно — мне не слишком!

Коблан-батыр

Мы слушать больше не хотим такого —

о шах, велите это прекратить!

Маймонди

(с угрозой)

Ну, прекратить-то я могу — вот только
кой-кто об этом после пожалеет...
Так что же вы мне скажете, о шах?

Мамун

(растерянно)

Я?.. Я сначала выслушаю всех...

С у х а й л и

Но вы ведь шах! Решение — ваше дело...

Беруни

Вам наши мнения давно известны.

М а м у н

Но... пусть теперь послушает посланец.

Беруни

Отвергнуть требование султана.

Ш е й х - у л ь - и с л а м

Да как вы смели говорить за всех?!
Отвергнуть — ну, а дальше что? Война,
раззор, кровопролитие... И все
из-за чего? Такой поборник веры,
благочестивейший султан Махмуд!—
ужель не заслужил он поминанья
в молитвах наших?!.

Ибн Сино

Это — речь измены!

Шейх-уль-ислам

Не я изменник — это вы безбожник!

К о б л а н

Уж лучше быть неверным, чем продажным!

С у х а й л и

Но, можете быть, мы все же заблуждались...
и бескорыстны цели Газневи?

Беруни

И вы, визирь!.. Но если бескорыстны —
зачем тогда заполнили Хорезм
газнийские сарбазы? Почему
кишат у нас базары и дороги
таинственными дервишами, что
не помнят о молитве, и купцами,
которые забыли про товары?
Зачем они нашептывают в уши
султана имя, а меж тем муллы
взывают к газавату против нас,
хоть все мы истинные мусульмане?
Ужели все это — из бескорыстья?..
Таксыр, Хорезм — не страна слепцов!

К о б л а н

Да и дворец кишит людьми султана!

Маймонди

Но ведь султан — ближайший родич шаха
и полн заботы об его охране
от смуты и мятежников Хорезма!..

К о б л а н

Охрана шаха нашего — от нас?!
Вот это да!..

Шункорбек
Да это что ж такое!

Д ж а й х у н б е к
Бесстыдство!

К о б л а н
Оскорбление для нас!

С у х а й л и
Прошу вас успокоиться, о беки!
И вы, Коблан, уймитесь!..

Беруни
Но, визирь,
ведь если мы согласием ответим —
тем самым мы Хорезм вручим султану
как истое владение Газны!..

Мамун
Абу Райхан, тут вы переборщили.
Султан относится к нам с уважением,
и если мы помолимся о нем,
то это будет только справедливо —
и праведно...

Шейх-уль-ислам
Вот верные слова!
Хвала вам, шахиншах!

Беруни
Итак — согласье?..

Мамун
Разумнее я выхода не вижу.

Короткая пауза, после которой в толпе беков и сардаров возникает как бы глухое ворчание недовольства. Толпа подвигается к трону, сарбазы во главе с Сапалтегином и Каратегином занимают вокруг трона словно бы оборонительные позиции. Все это движение и шум занимают около полуминуты, после чего взрывается выкриками.

Шункорбек
Предательство!

Джайхунбек
Измена!

Коблан
Вот вам шах —
Хорезм и нас запродам с потрохами!

Сапалтегин
(подвигаясь навстречу с несколькими
сарбазами)
А ну, укороти язык и руки!

Шейх-уль-ислам
Не смейте поносить священный титул
и светлую особу шахиншаха!

Коблан
Не шах, кто продает свою страну!
Кажется, вот-вот начнется резня.

Беруни

Не горячитесь, беки и батыры!
Пускай напрасно не прольется кровь!
Оружие, прошу, вложите в ножны!

Коблан с яростью вдвигает полувытащенный меч
в ножны. Другие следуют его примеру.

Коблан

О шах, уж раз вы отдали страну,
так стало быть, она уже не ваша.
А мы ее врагу — не отдадим!
Мы, хорезмийцы, не были рабами —
и впредь не будем! Есть в Хорезме войско,
и кони ждут, и крепости стоят,
и жаркий меч ржаветь не станет в ножнах!
Ты ж — берегись, султанская лиса,
остерегись, Махмуда стая волчья —
не суйте головы в капкан хорезмский,
не то останетесь без головы!..
Пойдемте, беки! Братья, поспешите!
Прочь из дворца!

Коблан, беки и сардары с шумом выходят.

М а м у н
(панически)

Визирь, но что же будет?..

С у х а й л и
Не ведаю. Неладно получилось...

М а м у н
Абу Райхан, подайте же совет!..

Беруни

Нет, вам мои советы ни к чему.
Я никогда не мог бы и помыслить,
что вас таким увижу... жалким...

Прав

Коблан: вы предали Хорезм!
И вы его отныне недостойны.
Я очень сожалею, но теперь
остановить беду никто не в силах.
Идемте, Ибн Сино! Здесь — нам не место.

Беруни с Ибн Сино уходят.

М а м у н

(в отчаянии, шейх-уль-исламу)

Таксыр, хоть вы скажите что-нибудь!
Вы все-таки прямой слуга аллаха!..

Шейх-уль-ислам

Что ж говорить, о шах мой, все ведь ясно!
Прекрасно, что безбожники ушли
и ваш дворец покинули смутьяны...
Султан великий вашу жизнь спасет,
а честь поруганную восстановит.
Я говорил вам с самого начала...

М а м у н

Нет, лучше смерть, чем весь этот позор!..

Шейх-уль-ислам

Простите, шах мой — время для молитвы...

Уходит.

С у х а й л и

Осталось лишь довериться судьбе,
о шахиншах... Вам надо отдохнуть.

Мамун, удрученно кивнув, встает и выходит вместе с Сухайли. Маймонди, Каратегин, Сапалтегин едва кланяются. Сапалтегин делает знак сарбазам, и они выходят вслед за шахом. Входит Сайера.

Сайера
Я знаю — слышала!.. Ну, все, как надо.

Маймонди
Вот именно, шахиня.

Каратегин
Нашим планам
распахнута просторная дорога!

Сайера
Сапалтегин, подай немедля весть
лазутчикам и конникам твоим —
пускай сначала все плотины рушат,
жгут крепости!.. Чуть без воды оставим —
сдадутся сами города, без боя!
Да... с севера пусть подожгут дворец.

Сапалтегин
Все сделаю, шахиня.

Выходит. Вскоре становится слышен близящийся шум,
крики, лязг оружия. Чей-то голос: «Гори-ит!» Входит
взволнованный Мамун.

Мамун
Что случилось?..

Сайера

Смутьяны жгут дворец. Хотят ворваться!

Мамун

Каратегин, да где ж твои сарбазы?!

Каратегин

О шахиншах, они уже в бою!

Сайера

Не бойтесь, шах мой, я сама сумею
вас защитить не хуже, чем сарбазы!
Взгляните, я кинжал держу умело...

В руке Сайеры оказывается выхваченный из-за пояса кинжал. Как бы демонстрируя свое умение, она медленно заносит его для удара — и вдруг с силой вонзает в грудь шаха.

Мамун

(качаясь, с кинжалом в груди)
Пред-дательство... З-змея... Абу Райхан!
М-меня убили-и... Люди! По-мо-гите...

Падает и умирает. Вбегает несколько служанок и слуг.
Все смотрят в ужасе.

Сайера

(падая на колени и прикикая к телу шаха в
притворном отчаянии)
Аллах великий! Слабых сохрани!
Как дожила я до такого горя?!
Мятежники сгубили шахиншаха —
он в ужасе пред нами закололся!..

О шах мой, муж мой, на кого, зачем
оставил ты меня на белом свете?..

О-о-о!

Умоляю вас, визирь великий,
спешите к брату моему, скажите —
в Хорезме бунт, мятеж, кровопролитье!
Пушай немедленно спешит сюда,
сестру свою от гибели спасает!..

Снова приникает к телу шаха, притворно рыдая.

О дорогой ты мо-ой! Прости меня —
не сберегла я жизни драгоценной!

Слуги и служанки всхлипывают, плачут.

Тебя сгубили подлые смутьяны,
горит Ургенч и весь Хорезм в огне!
(приподнявшись, Маймонди)
Лишь брат мой и погасит это пламя!
Чтоб слезы мои не текли Джайхуном —
спешите, о визирь, скачите к брату,
скажите — жду его у края краха!

Маймонди

И мига не промедлив, вашу просьбу
пресветлому султану передам!

Уходит. Шум, крики, плач — усиливаются. В двери
мелькает отблеск пламени.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Уголок сада Беруни. Ночь. Издалека доносятся стоны,

крики, рыдания, небо освещает отблеск пожаров. Б е-
р у н и стоит у могилы Гульсанам.

Беруни

Ты здесь лежишь, бесследная, в земле,
не чуя даже слез моих горячих,
а я все жив. Все жив!—хотя кругом
живущие скользят в крови и воют,
а мертвых стало больше, чем живых...
Он гибнет, наш поруганный Хорезм,
ограбленная родина надежды!..
О, лучше б мне лежать с тобой в земле,
а не терзаться счастьем невозвратным,
когда ты здесь была, жила, дышала...
Вон тот дувал — он все еще не рухнул,
вон дерево — оно еще живет,
и я живу — как ствол или стена,
тебя же — нет! И никогда не будет...
Ну, как поверить в это? Как понять,
что ты — краса, надежда, утешенье,
ты, юность — умерла, а я живу?
Один, один в сем полном смерти мире!
Он мне просторным виделся, а ныне
я вижу: это просто западня,
и я в нее попался... О, прощай,
ты остаешься тут, а я уеду —
далеко, безнадежно...

Входит Д ж а ф ф а р.

Д ж а ф ф а р
(негромко)
Все готово,
и вещи упакованы, учитель.
Пора...

Беруни

Так трудно двинуться отсюда,
как будто Гульсанам за полу держит!..

Д ж а ф ф а р

Она уже не может удержать,
зато враги задержат вас вот-вот...

Идемте, умоляю!

Беруни

Да... Послушай,
еще цветов нарежь мне напоследок!
Сложу их к изголовью Гульсанам...

Джаффар уходит, Беруни опускается на колени и целует
землю могилы. Возвращается Джаффар с цветами.

Джаффар

(подавая цветы)

Учитель, вот...

Беруни

(рассыпает цветы на могиле)

Она цветы любила,
да и сама сияла, как цветок...

(Поднимаясь.)

Ты взял все рукописи и все книги?

Джаффар

Все. В доме не осталось ни страницы.

Идемте же! Мы можем опоздать...

Беруни

Коли со мной случится что-нибудь,

старайся, друг мой, сохранить все это...

Джаффар

Я сохранить стараюсь вас, учитель!

Слышно, как к дому подъезжают и останавливаются
всадники. Чуть позже входят Ибн Сино и Х у-
дайберды.

Ибн Сино

Салам алейкум! Ну, друзья, готовы?

Беруни

Езжайте, мы нагоним...

Ибн Сино

Ибн Ирак

и Масихи давно уже в дороге,
не упустить бы время!

Беруни

Обещал

придти Коблан, он хочет ехать с нами,
его постыдно было б не дожждаться.

Ибн Сино

Тогда мы будем ждать за Чукурсаем.

Джаффар

У Кумбаскана?

Ибн Сино

Точно. Беруни,

прошу вас, отправляйтесь поскорее,
а то, ей-богу, сердце не на месте.

Ибн Сино и Беруни обнимаются, потом Ибн Сино и
Худайберды уходят.

Беруни
Что ж так задерживается Коблан?..

Джаффар
Наверное, не вырвался из боя...

Входит Бибисара. Вид у нее ужасный: волосы
распущены и спутаны, одежда вся изодрана и обго-
рела. В руках — пустая глиняная миска.

Бибисара
Вот вам вода!.. Вода... Скорее пейте —
во всем Ургенче больше нет воды!
Я принесла с Аму!
(Плачет)
О горе, горе!
Горит Хорезм! И некому тушить...
Мой дом сгорел! И мой сынок сгорел!
Единственный сынок мой... Палачи!
Зачем его лечили? Чтоб убить?!

Всматривается в Беруни и Джаффара, потом проси-
тельным, молящим тоном.

Скажите правду, мой сынок у вас?..
Отдайте сына! Он уже не болен!
Что, нету? Нету?!. Карау-ул! Убили!

Убегает с криком и рыданиями.

Беруни

(на лице его — болезненная гримаса
страдания)

Не выдержала ужасов, бедняжка...

Окровавленный, едва волооча меч и шатаясь, входит
Коблан-батыр.

Батыр, что с вами?!. Помоги, Джаффар!..

Коблан

(хрипло)

Я ранен... Ранен. Мы... мы обманулись...

Кругом измена... Горе нам! Мои —
порублены... Учитель... извините...

Я больше не защита вам, увы...

Беруни

О чем вы говорите, о батыр!

Садитесь же, сейчас вас перевяжем...

Коблан

(в полубреду)

Часть беков пала, часть бежала в страхе!..

Я больше не защита вам, домла...

Они Хорезм зарежут, как и шаха...

Не надо перевязывать! Оставьте...

Мой пробил час! Бегите поскорее-

Еще немного — и они нагрянут!..

С трудом опираясь на меч, опускается наземь — и
умирает.

Беруни

(в ужасе)

Он умер!.. Награди тебя аллах-

был верен до последнего дыхания...

Доносится шум боя. Входят нукеры с обнаженными окровавленными мечами, потом Каратегин и Сапалтегин.

Каратегин

Ну, слава богу! Счастье наше — с нами!
Он дома! Засиделась птичка в клетке!..

Сапалтегин

Да, будь здоров, Абу Райхан! Попался...

Каратегин

За пленника такого Газневи
воистину нас золотом осыплет!

Сапалтегин

(пиная ногой тело Коблана)
А этот — сдох, подлюга! Наконец-то!
Едва не сотню наших положил,
Меня задел... Умел-таки рубиться!..
Да только ничего не помогло!

Злорадно хохочет и снова пинает ногой тело.

Беруни

Не смей над павшим храбрецом глумиться,
ты, злобный пес над мертвым телом льва!

Сапалтегин

Смотри-ка, огрызается еще!

Каратегин

Еще своей судьбы не осознал он!

Но скоро все поймет... Надеть оковы!

Нукеры надевают оковы на ноги и руки Беруни.

Джаффар
(плача)
Учитель, дорогой!..

Беруни
Не плачь, дружок,
слез не кажи им...

Каратегин
Прикуси язык!

Беруни
Не-ет, замолчать меня ты не заставишь,
холуй кровавый! Мысль мою и речь
не закуешь в оковы!

Каратегин
(со злорадным смехом)
Погоди,
иначе запоешь перед султаном!
Шагай, шагай, наш гордый Беруни!
Иди быстрее, Абу Райхан великий...

Картина седьмая

Окраина Ургенча. Белый шатер султана Махмуда.
Полог полуоткинут, видны огни горящего города,
слышны далекие крики ужаса, стоны, ржание коней.

Махмуд и Маймонди сидят на ковре, у столика.
На столике кувшин с вином и кубки. Султан

слегка пьян, но говорит, как обычно. Снаружи видна
фигура стоящего на страже нукера.

Махмуд

Хорезм — мой!.. Вся в пламени столица,
и я погреюсь у ее огня.

Опять мы начали — и победили:
Аллах нам не задумался помочь!

Маймонди

Естественно, о мой султан:

аллах

благоволит к поборнику ислама,
к любимейшему из своих рабов!

Махмуд

Но дела здесь, визирь, еще довольно!
Сжечь кишлаки, Ургенч — спалить дотла.
Плотины — срыть. Все крепости — разрушить.
Сады — под корень. Хворых — перебить,
а с ними — стариков и малосильных.

Всех мастеров — в Газну до одного:
пусть трудятся и множат нам богатства.
Всех прочих — на базарах распродать!..
Казну в Газну отправили?

Маймонди

Вчера.

Махмуд

Все остальное на слонов и — следом.
А нукерам — три дня на разграбленье!

Маймонди

Я все исполню, о султан! Но только...

Махмуд
Что — только?..

Маймонди
Процветающие земли
нам принесли бы более дохода...
Ведь мясо курицы ешь только раз,
а яйца мы вкушаем ежедневно!

Махмуд
Я не хочу доходов с мятежей.
Наличные — вот лучший из доходов!..
И самый верный.

Маймонди
Слушаю, султан.

Махмуд
К тому же процветающей Газны
вполне довольно миру. Ни к чему
ему еще иметь Хорезм цветущий!

Маймонди
Я понял вашу мудрость, повелитель!

Слышно, как к шатру подъезжают всадники. Мгновение спустя входит в мужской одежде, со щитом и мечом, Сайера.

Сайера
(раскрыв объятия)
Здоровы, брат?..

Махмуд

Здоров, моя шахиня!

Сайера

Уж очень я соскучилась по вас!

Махмуд

(полуобняв и глядя по плечу)

Ты молодец, сестричка! Наше дело
свершила так, как я б не сделал сам!

Маймонди

В душе шахини — мужество бойца,
в руках шахини — мужская сила,
а ум шахини — это ум эмира!
Недаром же она — сестра родная
великого Махмуда Газневи!

Махмуд

(смеясь)

Прибавь еще: в коварстве — ста шайтанам
и доброй сотне дэвов не уступит!

Сайера

О брат мой, вы — мой пир и мой учитель!

Махмуд

Хо-хо!.. А ну, визирь, зови придворных,
вели подать и всем налить вина,
мы выпьем за сестру мою — до дна!

Маймонди подходит к откинутому пологу и делает
знаки рукой. Входят один за другим придворные,
между ними — Шейх-уль-ислам. Следом слуги
стремительно разносят кубки с вином.

Поднимем чаши
за победу нашу!
И за мою прекрасную сестру,
что нам — одна! — Хорезм покорила!
Все пьют, кроме шейх-уль-ислама.
(Шейх-уль-исламу, хмуро)
А вы чего не выпили, таксыр?..

Шейх-уль-ислам
(отгораживаясь ладонью)
О, я не пью. Вино ведь — это грех
для правоверных...

Махмуд
(наливаясь злобой)
Стало быть, я грешник!

Шейх-уль-ислам
(испуганно)
О нет, султан святейший!..

Махмуд
Стало быть,
ты всех нас мирно провожаешь в ад,
а сам, святой, карабкаешься к раю?..
Выходит, так?!.
(Передразнивая.)
«Вино ведь — тяжкий грех!»
Ну, а не грех — предать свою отчизну?
Скажи-ка, ты, протухшая душонка!

Шейх-уль-ислам
(он в ужасе, тем более, что ждал совсем
другого)
Молю, простите, о султан пресветлый,

я и не мыслил этим вас обидеть,
я выпью, выпью, все до капли выпью.

Хватает кубок и, захлебываясь, обливая бороду, пьет.

Махмуд
Ну, а теперь, святейшая лиса —
вон из шатра!

Шейх-уль-ислам
Иду, султан великий!..
Пятясь, выходит. Все смеются.

Маймонди
Каков хитрец! Однако
(с едва заметным нажимом)
мой султан,
его заслуги в нашем общем деле —
падении Хорезма — велики...

Махмуд
Ну, заслужил — и пусть гордится этим!
Мне при дворе двурушника не надо.
Кто предал раз —
тот и другой предаст.
Кто продал шаха — тот продаст султана!..

Сайера
Пора мне, брат, обратно, к шахзаде!

Махмуд
Ну, что ж, иди! Увидимся... А мы
займемся неотложными делами.

Сайера уходит. Махмуд, заметно было, опьяневший,

приходит в себя. Входят Каратегин и Сапалтегин, вводя скованного Беруни.

Каратегин

Вот, о султан пресветлый!— это тот,
кто пренебрег высоким приглашением
и безнаказанно хулил ваш путь,
покуда в наши не попал оковы —
Абу Райхан мятежный, Беруни!

Махмуд

Так вот каков он... Ну-ка, покажите!

Каратегин и Сапалтегин подталкивают Беруни вперед,
так что он оказывается лицом к лицу с султаном.

Хорош, зазнайка!.. Ну, а где второй —
тот... как его прозвание... Ибн Сино?

Сапалтегин

Сбежал, о мой султан! Остался этот...

Махмуд

Все — нас оставьте!.. Вы, Каратегин,
визирь, Сапалтегин — останьтесь здесь...

Все, кроме названных, выходят.

Ну, как ты поживаешь, Беруни?

Ты видишь: тем, кого я приглашаю,
разумней приглашение принять...

Иль, может, ты такой стеснялся чести? Стыдился?

Беруни

Да, султан, вы угадали —
стыдился я... но только не себя.

Махмуд
Кого же?..

Беруни
Той безмерной бездны мрака,
что вижу я за вашею спиной,
и той кровавой каши для народов,
что варите в глухом котле Газны.

Каратегин
Молчи, безумец!..

Махмуд
Подожди-ите... пусть
он выскажется. Сладко слушать речи
тех, чья петля уж коснулась шеи.
Ты говори-и... ведь скоро твой язык
я вырежу и выброшу собакам!
Ты поспеши...

Беруни
Что пользы тратить речи?
Ведь этот ливень камня не размочит —
на вас, увы, не действуют слова!

Махмуд
Не хочешь говорить — палач заставит.

Беруни
О, это вы умеете, султан!
Палачество — оно у вас в крови,
и вы — в крови палачества...

Сапалтегин
Молчи!

Не то башку срублю тебе, собака!

Каратегин
Немедля на колени!..

Беруни
(с усмешкой)
На колени!..
Как это и положено на плахе?..

Каратегин и Сапалтегин, скрипнув зубами, хватают Беруни за плечи, намереваясь силой поставить его на колени, но Махмуд останавливает их знаком.

Махмуд
Не горячитесь!
(С кривой ухмылкой.)
Все-таки забавно
послушать хитроумного упрямца...
Я не встречал покудова таких,
чтобы на рубеже последнем жизни
держались столь уверенно и нагло...
Ты, что ж, и вправду смерти не боишься?

Беруни
Ну, смерти не боится только мертвый!

Махмуд
Так в чем твоя загадка? Объясни!
Надеешься на милость Газневи?..

Беруни
Хотя надежда свойственна живому,
я все же не настолько глуп и слеп:
что для того, кто раздавил народы,

единственная маленькая жизнь...

Махмуд

Смотрите-ка: из наглости да в скромность!

Ты ж, говорят, великий Беруни,
и честь и украшение науки!..

Но так и не ответил на вопрос мой;
так в Чем же храбрости твоей причина:
ты, что, не веришь в ад и рай загробный?

Беруни

Ад — на земле. Там — хуже быть не может.

Махмуд

(подмигнув своим, со смехом)
Плохому нет предела, звездочет!

Беруни

(продолжая, с улыбкой)
...вот и выходит, что за гробом — рай!

М а х м у д

Однако! Ты к тому же еретик!

Беруни

Шучу, султан!..

М а х м у д

Да он еще и шутит!

Вы только посмотрите на него...

Во что ж ты веришь?

Беруни

Вот — вопрос о главном...

(Пауза)

Я верю в то, что дело человека —
важней его. Что свет, как он ни мал,
становится все ярче — и в итоге
тьму победит. Я верю в то, что люди,
как их ни давят, гонят и калечат,
становятся разумнее и лучше.

И если я содействовал тому,
то жизнь моя не кончится со смертью...
Я верю в завтра. В мой народ я верю!

Махмуд

Ого, заговорил, как властелин!
Ишь — «в мой народ»... А ты ведь низок
родом!
Не правда ли? Есть слух, что мать твоя
дровишки собирала по оврагам!

Беруни

Да, это так. А разве это стыдно?
Она жила трудом, а не убийством,
теплом одаривала, а не гнетом,
в лачуги, что в ночи не знали света,
несла хотя бы отблеск очага!
И люди, что гроши ей отдавали,
ей в сердце сохранили благодарность...
Так кто бы мог сказать, что это низко?
Кто мне докажет, что мой низок род?..
Вам кажется, что тон мой— не по чину!..
Но мой народ - он мой народ и есть:
я мать мою не назову ж чужою...
Он породил меня — я часть его!
Не-ет, я не говорю, как властелин,
хотя и впрямь владею царством знания —
единственной на земле державой,
которая не рушится в веках!..

Махмуд
Наглец, гордец, мятежник, еретик!
Что там еще?..

Беруни
Какие бы грехи
за мной ни числить — я не знал измены
себе или другим, греха насилия
над чьей-то волей, телом и душой,
бессовестно не грабил правоверных,
как твой отец сельджук Себуктегин,
не шел по трупам к трону...

Махмуд
(в ярости)
З-замолчи!
Я воин шариата. Меч ислама!
И мой удел — священный газават!!.

Беруни
Нет, шариат лишь маска. Газават —
прикрыть грабежа в чужих пределах!...
Ты об исламе говоришь? Ислам —
покорность богу и его заветам,
среди коих милосердие, верность, щедрость...
Ты милосерден, да! К чужим богатствам...
Ты верен, да как родичу Мамуну!
Ты щедр, бесспорно... Кровь ты льешь —
рекой

Махмуд
(рычит)
Р-раб! Подлый раб!..

Сапалтегин

Дозвольте, о султан —
раз навсегда ему заткну я глотку!

Махмуд

Я сам себе доставлю эту радость...
сам из болячки выдавлю весь гной!
Ну, что ж ты Замолчал?.. Давай, храбрец!
Выкладывай, что там еще!..

Б е р у н и

Довольно.

Кричит Хорезм горящий за меня,
младенцы под копытами коней
и пленники под плетками сарбазов!..

Махмуд

А ты б желал, чтоб все было иначе?..
Да сам пророк признал закон войны!

Беруни

Война?.. Разбой!..

Ну, ладно, пусть война —
иль шариат велит идти войною
на исконно исламскую страну?
Иль газават — поход на правоверных?
Иль, может быть, ислам повелевает
на рынок гнать, как стадо, мусульман?..

Махмуд

Дворец Мамуна стал гнездом безбожья —
мой долг был разорить его дотла:
кяфиры там кишели, словно осы...
Такие же еретики, как ты!

Беруни
(с усмешкой)

Так что же ты меня, еретика,
так сманивал в Газну, свою столицу?..

Пустые отговорки, о султан:
тобой руководит лишь жажда власти,
да алчность ненасытная, да злость,
кровавое, кривое честолюбье...

Страна, не подчиненная тебе,
в глазах твоих — живое оскорбленье!

И целую страну ты предаешь,
как смертника, жестоким палачам,
и тысячи безвинных умирают...

Махмуд
И ты умрешь!..

Беруни
И я умру, конечно.
Как все. Как ты...

Махмуд
Но весь вопрос — когда!
Тебе уже совсем недолго жить!
И ты умрешь, как жалкий раб, на плахе,
оставивши наследства — лишь лохмотья!

Беруни
Оставлю я написанные книги,
пути, что мной проложены в науке,
и тайн разгадки, найденные мной!
А ты оставишь лишь одни руины,
разграбленные вороньем могилы,
оазисы, что пожраны песком!

Махмуд

Руины? Я?.. Взгляни, ослепший раб:
мои дворцы, сады — подобья рая!
Ступени золотые этих лестниц!
И эти портики из хризолита!..

Беруни

Твои дворцы когда-нибудь да рухнут,
а память о раззоре — сохранится...
Султан, ты знаешь притчу Санойи?

Махмуд

Какую притчу?..

Беруни

Выслушай, султан:

однажды, отправляясь на охоту,
халиф с визирем проезжали мимо
лачуги бедной. У нее на крыше
беседовали два сыча. И вот
визирь прислушался к ним — и заплакал.
«О чем ты плачешь?» — говорит халиф.
«О повелитель, эти два сыча
не сходятся в калыме, и один
за дочку просит десять тыщ руин,
другой же просит подождать немного:
«Мол, месяцы так быстро промелькнут,
а если год еще султан Махмуд
останется у власти — там и тут
сто тыщ руин я наберу, ей-богу!»

Махмуд

Мерзавец!

Беруни

(смеясь)
Я?.. Да это глас народа,
услышанный поэтом!

Махмуд
Все. Ты кончил.
Зовите палача!..

Визирь, посол и сардар не успевают еще сдвинуться с места, как вбегает Масуд, а в двери шатра останавливается, не решившись войти, У н с у р и.

Масуд
(кидаясь султану в ноги)
Отец, постойте!..
Аллаху слава, я успел: он жив!
Жив Беруни!..
Отец, я заклинаю
и жизнью собственной своей, и счастьем,
благополучьем вашего престола,
и нынешнею славой, и грядущей:
какой бы ни казалась вам вина
вот этого, в оковах, человека —
даруйте жизнь ему, а значит — мне!
За этим лбом скрыт величайший ум,
какой история земная знала!
Умри он — рухнет просвещения столп,
суть и надежда истинной науки!
И я ведь лишь о том мечтал ночами:
учеником явиться к Беруни... Молю, отец, не отнимайте жизни
у собственного сына!..

Махмуд
Встань, Масуд!
Масуд обессиленно встает.

(Унсури.)

Вы тоже, пир, пришли сюда вступиться?

Унсури

О да, султан мой! Присоединяю
свои мольбы к молениям жарким принца...

Махмуд подходит к Беруни, некоторое время молча
всматривается в него. Беруни спокойно выдерживает
взгляд.

Махмуд

И что в тебе за сила, Беруни?..
Не понимаю. Под моею властью
народы, войско, шахства, города,
миллионы лстивых душ и слуг послушных.
А ты стоишь здесь, нищий, и в оковах,
без родины, без племени, без роду —
и все-таки меня ты победил —
в душе моего собственного сына!
Неужто ты и впрямь сильнее меня?..
Не может быть! Вовеки не поверю.
Не смеет мысль в такой вот голове,
столь уязвимой, что одним ударом
меча ее легко отнять от тела -
сильнее быть и самого меча,
и мощных рук, что рубят безотказно!
Но с будущем... кто знает... может быть...

Свет гаснет. В темноте раздается звонкий хлопок в ладоши.

Голос Махмуда

— Эй, люди! Кто там!.. Расковать его!..

Снова зажигается луч света, он ползет по стене —
она пуста — и наконец касается и открывает фигуру

Беруни. Беруни стоит неподвижно, без оков, в новой светлой одежде, ниспадающей скульптурными складками.

Голос Беруни

И вот, живой, я среди вас, потомки.

Я понимаю, что мое наследье
пришло к вам, повторенное стократ,
и растворилось в тыще слов и мыслей,
вещей и дел. Но я того — хотел,
я для того страдал, творил, боролся —
и счастлив этою своей судьбой.

Я знаю, что теперь, через века,
для каждого из вас немного значат
моя давно погибшая любовь,
друзья мои, утраченные мною,
потерянные где-то сочиненья:
у вас своя пора, свои заботы.

И все же ненадолго оглянитесь.

Я о себе вам рассказал затем,
чтоб не в меня вы, а в себя вгляделись,
в свой труд, свой век, грядущее свое.

Чтоб вы, счастливее неизмеримо,
не забывали о грозящих бедах и помнили,
что свойства человечьи становятся делами,
а дела — событиями, неотвратимей рока!

И вам еще добавлю: будьте стойки...

18 января — 19 апреля 1973 года